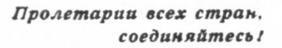

ОГОНЁК
№ 14 МАРТ 1973
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
Цена 5 руб.
ОГОНЕК
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК
№ 1.
1922-1972
В МИРЕ ЧУДЕСНЫХ ВОЛОКОН
ПРОДОЛЖАЕМ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ
С НОВЫМ ГОДОМ!
СЛАВА ПЕРВОПРОХОДЦАМ КОСМОСА!
ПОБЕДЕ—ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА
СЛАВА НАРОДУ-ПОБЕДИТЕЛЮ
МЫ С КАМАЗА!
МОСКВА:
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СИБИРИ

Хозяйство Сергея Егоровича Трофимова: техника готова к весне!

ОГОНЁК

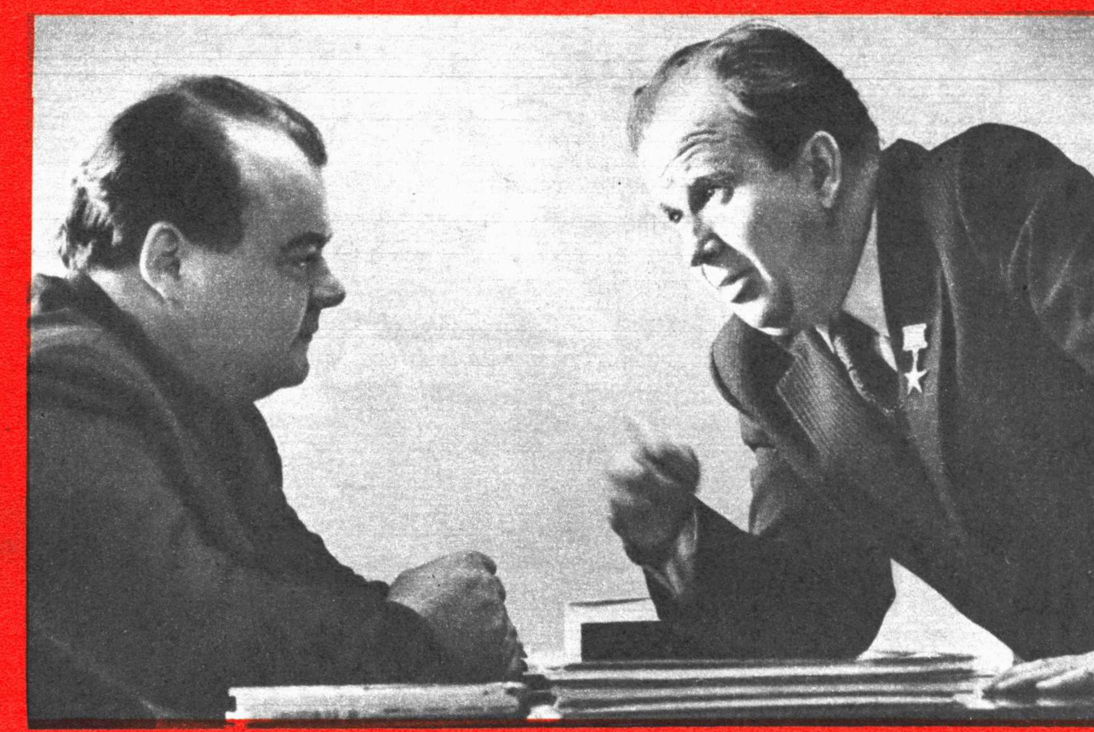
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН
1 апреля 1923 года

№ 14 (2387)

31 МАРТА 1973

НОВАЯ

Диалог в разгаре... Анатолий Дмитриевич Ничипорук и Герой Социалистического Труда Владимир Леонтьевич Бедуля.

ДИАЛОГ
председателей колхозов
с участием
специальных корреспондентов «Огонька».
Н. БЫКОВ,
А. ЩЕРБАКОВ

Фото М. САВИНА.

Былинные богатыри выходили помериться силами не куда-нибудь, а во широко поле. На бескрайние колхозные и совхозные поля сегодня выходят те, кто соревнуется за успех в Третьей весне пятилетки. Судья в этом сельскохозяйственном многоборье — эффективность экономики. Ее слагаемые. Ее стабильность. Ее рост. Как-никак, а в 1973 году нашим селянам предстоит поднять валовое производство продукции на 14,3 процента — барьер, который никогда не стоял перед промышленностью.

Речь идет о том, говорил Л. И. Брежнев в докладе о 50-летии СССР, чтобы добиваться экономического роста все в большей степени «путем повышения производительности труда и ускорения научно-технического прогресса...». Программа комплексной механизации, химизации и широкой мелиорации, намеченная во исполнение решений XXIV съезда КПСС, потребует и в третьем году пятилетки новых капиталовложений со стороны государства и колхозов — более 25 миллиардов рублей! Кто и как готов распорядиться назначенной суммой — вот в чем проблема. Отдача от каждого вложенного рубля — единственно объективный критерий хозяйственной зрелости. И реального уровня хозяйственной грамотности. Например, очевиден рост производительности труда в Белоруссии.

ВЕСНА

Продолжение
см. на стр. 4—7.

ВОЗДУШНЫЙ МОСТ МОСКВА–ХАНОЙ

...Международный аэропорт Москва — Шереметьево. Радиодиктор объявляет: «Начинается посадка на самолет, следующий рейсом номер 541 по маршруту Москва — Ханой». Пока пассажиры оформляют документы, знакомлюсь с некоторыми из них.

— Мне вторично предстоит работать во Вьетнаме,— говорит инженер Константин Алексеевич Гунин,— несколько лет назад там мосты строил, теперь буду помогать их восстанавливать.

Впервые летят во Вьетнам инженер-энергетик Аникий Иванович Кривоносов, хирург Антон Петрович Бадаев. Оба уже немолодые, с большим опытом работы. Их попутчики — специалисты из братских социалистических стран: детский врач из ГДР Ганс Мюллер, варшавский инженер Эдуард Збышко, нейрохирург из Будапешта Ласло Бабич.

Много среди пассажиров молодых вьетнамцев, получивших образование в Советском Союзе, ГДР, Чехословакии, Венгрии. Ли Тхань Сау закончил Ленинградский горный институт, Нгуен Ван Ле — Берлинский университет, а Ли Зуй Чинь — технологический институт в Будапеште.

Самолет, следующий рейсом номер 541, полон. И так было с первого дня открытия этой трассы. Воздушный мост Москва — Ханой в девять с половиной тысяч километров действовал постоянно, независимо от погоды и бомбежек.

Вьетнамский народ высоко оценил братскую помощь Советского Союза. Премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг сказал, что в годы минувшей войны советские люди были самыми близкими вьетнамскому народу. Они сами прошли войну и знают цену человеческому мужеству, цену жертвам.

Воздушный мост дружбы обслуживают смелые и опытные пилоты. Один из них — Леонид Яковлевич Жарков.

— Работу на линии Москва — Ханой я и все наши летчики считаем большой честью,— говорит он.— Мы с восхищением следили за героической борьбой вьетнамского народа и были рады непосредственно участвовать в оказании ему помощи. Каждый рейс в Ханой наш экипаж выполняет как особо важное задание.

Сейчас над Вьетнамом мирное небо. И первый рейс в Ханой после войны стал для меня памятным: в салоне нашего лайнера разместились венгерские и польские офицеры — участники Международной комиссии по наблюдению и контролю.

Наш самолет прибыл в Ханой, когда соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме только-только вступило в силу. Весь город был расцвечен флагами, на улицах ликовали толпы народа. Нас пригласили на большой прием. Там выступал и начальник Управления гражданской авиации ДРВ товарищ Нгуен Ван Тьен. Он высоко оценил работу летчиков Аэрофлота, назвал ее пролетарским интернационализмом в действии.

— Сейчас по воздуху мы доставляем в Ханой разнообразные грузы, что все с одинаковой пометкой: «Срочно». Они прибывают со всех концов Советского Союза,— говорит Владимир Иванович Ярыгин, начальник подразделения.— В прошлый рейс, например, везли шерстяные ткани и 500 килограммов кабеля, который ТАСС отправлял в адрес Вьетнамского информационного агентства. Вот посмотрите накладные и обратите внимание на адреса отправителей.

Пачка квитанций говорит, что грузы во Вьетнам идут с предприятий Советского Союза, ГДР, Польши, Венгрии, Чехословакии.

Помощь оказывают все прогрессивные силы планеты.

А. ГОЛИКОВ
Фото автора.

Срочный груз для Вьетнама.

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ И А. Н. КОСЫГИНЫМ В. ШТОФА

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин приняли 21 марта находившегося в Москве проездом из ДРВ на родину члена Политбюро ЦК СЕПГ, Председателя Совета Министров ГДР В. Штофа.

В ходе беседы, прошедшей в атмосфере сердечности и полного взаимопонимания, состоялся обмен мнениями по ряду вопросов, интересующих обе партии и страны, в том числе по актуальным проблемам сотрудничества СССР и ГДР на международной арене.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ВИЗИТ

По приглашению ЦК КПСС и Советского правительства с 21 по 24 марта 1973 года с дружественным визитом в Советском Союзе находился заместитель Генерального секретаря Регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения (Баас), заместитель Председателя Совета революционного командования Иракской Республики Саддам Хусейн.

Саддам Хусейн был принят Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

Состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Саддамом Хусейном.

Стороны обсудили вопросы расширения плодотворного сотрудничества между СССР и Иракской Республикой, а также обменялись мнениями по актуальным международным проблемам.

Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ—МИР

Юрий КОРНИЛОВ

Не проходит дня, чтобы телетайпы и радио не принесли тревожных вестей с Ближнего Востока. Израильские самолеты вторглись в воздушное пространство Сирии. Израильская артиллерия обстреляла мирный арабский поселок. Тель-Авив сосредоточил у границ Ливана ударную армию в 10 тысяч солдат, насчитывающую 500 танков и других машин...

«Ни мира, ни войны» — называют эту обстановку западные журналисты. Да, большой войны на Ближнем Востоке нет. Но кто может сомневаться в том, что угли конфликта, которые тлеют в этом районе, в любую минуту могут превратиться в пожар?

Мир ищет путей решения ближневосточного кризиса. Сейчас, когда погашен очаг войны во Вьетнаме, задача ликвидации «горячей точки» на Ближнем Востоке стала еще более неотложной. В столицах ряда стран проходят политические встречи, переговоры, совещания, цель которых — определить возможные направления справедливого политического урегулирования конфликта. В этих условиях агрессор меняет тактику. В Израиле работает на полный ход не только военная машина — приведена в действие и машина пропагандистская. Включены многочисленные рычаги и приводы, связывающие эту машину с сионистской прессой, с правой печатью западных стран. На сей раз на пропагандистской кухне Тель-Авива печется продукция не совсем обычного сорта — о... «миролюбии» агрессора.

Знаменитый еврейский писатель Шолом-Алейхем говорил, что есть три вида лгунов: одни лгали вчера, другие — сегодня, третьи — лгуны завтрашнего дня. Политика правителей Израиля доказывает, что есть и еще один вид лгунов: те, кто лгал вчера, лжет сегодня и намерен лгать завтра. Давно ли Тель-Авив вообще отказывался от поисков условий справедливого и прочного мира со своими арабскими соседями, прикрываясь фальшивым лозунгом о «борьбе Израиля за выживание»? Теперь, когда откровенно разбойничьи акции Израиля вызывают во всем мире особенно мощные волны протеста, в Тель-Авиве заговорили о готовности «при известных обстоятельствах» отказаться от прежних ультимативных требований, пойти на «промежуточное решение» проблем, сосредоточив «особые усилия» на достижении «частичного соглашения» об открытии Суэцкого канала.

Намеренно запутанные, усложненные формулировки, которыми оперирует Тель-Авив, преследуют лишь одну, причем вполне очевидную цель: создать такую ситуацию, при которой открытие Суэцкого канала означало бы, что решение вопроса о судьбе остальных оккупированных арабских территорий «замораживается» на неопределенное время. Иными словами, Израиль по-прежнему не намерен разрубить главный узел конфликта — отказаться от своих беззастенчивых территориальных притязаний на чужие земли, захваченные в 1967 году. Но ведь очевидно, что пока сапог оккупанта топчет эти земли, кризис не может быть разрешен — зачем же нужна Тель-Авиву лицемерная шумиха о его мнимом «миролюбии»? Только для того, чтобы попытаться с помощью пропагандистских фанфар заглушить лязг израильских танков у границ Сирии, рев израильских самолетов над мирными городами Ливана.

Но чего стоят высказывания Израиля о «миролюбии», если сопоставить их, скажем, с итогами недавнего визита в Вашингтон премьер-министра Израиля Г. Меир?

Известно, что этот визит проходил в особых условиях: Меир приземлилась в американском аэропорту в тот момент, когда в Ливане еще дымились руины арабских поселений, разрушенных во время варварского «рейда» израильской военщины, а песчаные бури, бушующие над Синаем, еще не засыпали обломки ливийского гражданского лайнера, сбитого воздушными пиратами Тель-Авива. Западная печать строила предположения: проявят ли в этой ситуации на берегах Потомака прежнюю готовность помогать Израилю? В одной из газет появилась даже карикатура: Меир отправляется в свой вояж, согнувшись под тяжестью мешка с остатками сбитого ливийского «Боинга»... Но прошло всего несколько дней, и та же западная пресса сообщила, что все заявки Израиля на оружие и другие виды «помощи» удовлетворены. За последние четыре года Тель-Авив получил от США оружия и денег больше, чем за предыдущие 20 лет. А ныне в Израиль направляются новые партии реактивных бомбардировщиков «Фантом», стяжавших столь мрачную известность в варварских налетах на мирные города и села Вьетнама, истребителей «Скайхок», вертолетов «Кобра», пушек, снарядов...

«Израиль по своей форме напоминает кинжал,— кто же держит рукоятку?» — писал как-то французский публицист Арман Лану. Последние события и факты свидетельствуют, что рукоять сионистского кинжала по-прежнему в руках тех империалистических сил, которые рассматривают Израиль как главную базу борьбы против национально-освободительного движения арабских народов. Оказывая Израилю военную, экономическую, политическую поддержку, эти силы тем самым поощряют экспансионистскую политику Тель-Авива, подстрекают его к новым агрессивным авантюрам.

Но и правители Тель-Авива, которые, прикрываясь, как ширмой, лицемерными утверждениями о собственном «миролюбии», в действительности делают ставку на силу, и те, кто стоит за их спиной, забывают уроки истории, в том числе и урок Вьетнама, подтвердивший, что политика агрессии рано или поздно, но неизбежно потерпит банкротство. Путь к миру на Ближнем Востоке только один: полное освобождение арабских земель, оккупированных в 1967 году, обеспечение всем народам этого района возможности жить в мире и безопасности.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Герой Социалистического Труда Любовь Лукьяновна Ничипорук и главный зоотехник Георгий Левчук.

Начало см. на 2-й стр. обложки.

НОВАЯ ВЕСНА

Взять Брестскую область. В 1972 году она признана в республике победителем в соревновании за увеличение производства и продажи зерна государству. Уже в январе нынешнего года молока здесь продано на 16 процентов больше, чем год назад! В феврале—больше на 13 процентов. Мяса — на 7 процентов больше!.. Это поступь, достойная задач пятилетки. Да и решающим этот год назван не ради красного словца...

Но вот год начался. И каждое хозяйство осталось наедине со своим планом. И лицом к лицу — с соперником по борьбе за новые намолоты, надои, привесы. Как нет двух похожих людей, так нет и двух похожих хозяйств. Вот почему было так интересно присутствовать на встрече председателей белорусских колхозов Каменецкого района, Брестской области. Разговор о насущном вели председатель орденоносного колхоза «Советская Белоруссия» Герой Социалистического Труда Владимир Леонтьевич Бедуля и председатель колхоза имени Жданова Анатолий Дмитриевич Ничипорук. В равных ли условиях развиваются два хозяйства, за счет чего добиваются успехов, каковы реальные возможности дальнейшего роста экономики в одном и другом хозяйстве — вот о чем шел разговор, долгий и страстный разговор за столом, который не был круглым.

* * *

Да, стол, за которым встретились по нашей просьбе Владимир Леонтьевич и Анатолий Дмитриевич,— обычный стол в обычном кабинете тесноватого правления колхоза «Советская Белоруссия», заваленный старыми и новейшими книгами, проспектами с различных сельскохозяйственных выставок, толстенными альбомами строительных проектов и чертежей. Это был не «круглый» стол дипломатов — скрывать друг от друга председателям нечего, сглаживать острые углы никто не собирался.

Но прежде всего хотя бы коротко об участниках диалога. Герой Социалистического Труда Владимир Леонтьевич Бедуля возглавляет одно из лучших хозяйств Белоруссии, имя его известно и в республике и за ее пределами, он избирался и депутатом Верховного Совета БССР и делегатом на XXIII съезд КПСС. Владимир Леонтьевич пришел в колхоз из горкома комсомола семнадцать лет назад — по призыву партии как тридцатитысячник. Сейчас ему сорок пять лет. В колхозе раскрылся его талант; как говорится, он уважать себя заставил и здесь обрел авторитет настоящего коммуниста, умелого хозяйственника, человека, мыслящего смело и масштабно. Анатолий Дмитриевич Ничипорук лет на десять моложе Бедули, сам родом из колхоза «Советская Белоруссия», отсюда уехал когда-то учиться, сюда же вернулся после института. Был главным агрономом у Бедули и считает себя учеником Владимира Леонтьевича. Председателем колхоза имени Жданова работает четвертый год. Не так долго, чтобы догнать Бедулю. Да и знает поля «Советской Белоруссии», наверное, пока лучше, чем в «своем» теперь колхозе имени Жданова. Эти колхозы в одном районе, но они не соседи. Однако соревность — великая движущая сила, она заставляет того и другого председателя следить за хозяйством сотоварища. Бедуле интересно, как повел себя в самостоятельном полете молодой дипломированный председатель, вылетевший из его гнезда. Ну, а Ничипорук, естественно, держит дистанцию, стараясь не «отпустить» далеко вперед известный колхоз, уроки которого он так хорошо усвоил. Бедулю нелегко догнать. А догнать хочется! Но одного желания встать вровень с такими государственными деятелями (иначе не скажешь), каким вызрел на колхозной ниве Владимир Леонтьевич Бедуля,— одного желания мало, очень мало. А что же все-таки нужно для этого еще? Догадываемся: огромный, кропотливый, повседневный труд на благо колхоза. Полная, безоглядная отдача делу. Всего себя. Легко ли такое? Ведь потребуются недюжинные физические силы, природный дар мастера, совершенно особый личный интерес. Недаром В. Л. Бедуля считает себя учеником легендарного Кирилла Прокофьевича Орловского, который был фанатически предан колхозу. Стать таким не каждому дано — таким, быть может, надо родиться. Но верно и то, что хозяйственниками не рождаются, так что перед многими председателями колхозов, пока лишь мечтающими догнать и перегнать, например, того же Бедулю, стоят задачи не только хозяйственные...

Итак, за Бедулей — опыт, характер человека незаурядного. Ничипорук — это молодость, знание специалиста, прошедшего в какой-то мере школу того же Бедули. Но за каждым из них — сложный коллектив, трудное хозяйство с конкретными показателями экономики и социально-культурных реалий. Так вот не терпелось узнать: все ли колхозы располагают сегодня одинаковыми возможностями для хозяйствования умелого, для труда качественного? Как используют эти свои возможности и резервы?

Бедуля. Резервы большие, возможности неограниченные. Но если говорить всерьез, то начинать следует не с этого...

Ничипорук. Что касается возможностей, то они одинаковыми быть не могут. У нас разные хозяйства. И боюсь, что сравнение выставит колхоз имени Жданова в невыгодном свете. А это, вы должны понять, и обидно и несправедливо. Наш колхоз типичен, а колхоз «Советская Белоруссия» — лидер, каких немного. Я к тому, что не хотелось бы выступать в роли отстающего. Колхоз имени Жданова вовсе не худший в районе. За последние годы наша урожайность возросла на семь центнеров и достигла среднеобластного уровня. На сто гектаров угодий мы надоили молока столько же, сколько в среднем лучший район нашей области.

Комментарий «Огонька». Такое начало диалога смутило: неужели ему грозит бесконфликтность?.. Но то, что Анатолий Дмитриевич так болеет за доброе имя колхоза и начал с протеста против механического сравнения, это нас обрадовало. Реальность же такова: в 1972 году рентабельность в колхозе «Советская Белоруссия» составила около 60 процентов, в колхозе имени Жданова —16 процентов; урожайность зерновых соответственно — 26 центнеров с гектара и 19,3; молока на сто гектаров угодий в первом колхозе получили 700 центнеров (или 3 650 килограммов на корову), а во втором — 400 (меньше, но это уже на уровне лучшего района). И главное, каждый человек в колхозе «Советская Белоруссия» произвел продукции в 1972 году на 3 822 рубля — много! Так что довольно высокий среднеобластной уровень, достигнутый на сегодня колхозом имени Жданова, не может удовлетворить прежде всего председателя — самого Анатолия Дмитриевича. Все дело в оценке ситуации.

Бедуля. Сравнения, Анатолий Дмитриевич, не могут обидеть, по крайней мере не должны... Без правильной оценки не может быть правильных действий. А часто ли и от любого ли руководителя дождешься оценки или хотя бы попытки анализа действительного положения? Мы вступили в третий год пятилетки, и нет такого дня, чтобы не слышали призыва к соревнованию. Но что такое соревнование в наши дни, когда под рукой шахтера не обушок, а пульт управления комбайном? Когда доярка овладела механической дойкой? Не только сноровка и пот человеческий, а продуманная система мероприя-

тий — вот что решает. Обратили внимание, недавно металлурги Запорожья писали в «Правде» о том, что нужны такие условия соревнования, чтобы главным был не рекорд, а стабильность высоких показателей всех коллективов. Нередко и у нас в сельском хозяйстве в тени так называемого маяка тихо-мирно живут не только отстающие, но и благополучные середнячки. Почему? Причин хватает. Одна из них — до сих пор соревнуются отдельные исполнители или, как писали металлурги, отдельные агрегаты, для которых порой создаются исключительные условия в ущерб другим. А ведь научно-технический прогресс немыслим без соревнования технологий. Выбрать золотой оптимальный вариант с учетом новейших достижений науки и техники той же доярке, или шахтеру, или пахарю нынче помогают и механик, и агроном, и зоотехник, и инженер — обобщенно говоря, именно технологи производства.

От этой печки и давайте танцевать. Сравним теперь технологию на выращивании картофеля у нас и в вашем колхозе... Наш гектар стоит ваших трех. А возьмите молоко! Наша корова дает молока столько, сколько две ваших. И ведь дело не только в мастерстве доярок. Надой — результат передовой или, наоборот, отсталой технологии.

Ничипорук. Молоко нас режет. Особенно сейчас, когда ввели новую оценку качества — теперь вместо механического загрязнения определяется биологическое, берут пробу на бактерии... Я не спорю, тут именно передовая технология выигрывает, на современной ферме руки человеческие молока не касаются вовсе. У нас только марля на бидоне, а у вас уже и холодильники! Но согласитесь и вы со мной, Леонтьевич, что у нас в районе из двадцати восьми хозяйств лишь три-четыре могут выбирать, как вы сказали, тот золотой оптимальный вариант. Я работал в вашем колхозе, и я был другим — грамотным, умным. А возглавил колхоз несильный — и я вроде не я. Почему? Да потому, что технологию определяют совершенно реальные возможности: техника, кадры, материальная база, рабочая сила... Требуется не один год, чтобы разобраться в хозяйстве, определить его направление. У меня на это ушло три года. Пока я разбирался, «Советская Белоруссия» семимильными шагами уходила дальше! Мои выводы? Догонять! Мы в прошлом году дали продукции почти на девятьсот тысяч рублей. Когда-то это звучало! Но теперь, сам чувствую, мало. И я вижу пути к тому, чтобы доход составил по крайней мере полтора миллиона рублей. Уже в этом году. Такой рывок и намечено сделать в третьем году пятилетки. За счет чего? Да вы, Леонтьевич, прекрасно знаете. Мы увеличили производство мяса. Дело в том, что две трети хозяйств в районе плана по мясу и молоку не выполнили, наш колхоз в их числе. А ведь рост был! Так вот нынешний год для нас ударный. Мы и задолженность свою ликвидируем и дальнейшего роста постараемся добиться — надеюсь, получим мяса более трехсот тонн вместо двухсот. Ставка на откорм свиней. И тут уж вы, Леонтьевич, помогите! Я отлично знаю ваш новый свинокомплекс, мне по душе и ваша технология откорма, но строиться трудно. Очень трудно. И если вы не сосватаете мне девятиметровых перекрытий в Барановичах, то я опять останусь у разбитого корыта...

Бедуля. Верно, строиться вам надо немедля. А я вам постараюсь помочь. Перекрытия будут... Хотя и я и вы, Анатолий Дмитриевич, понимаем, что пора бы избавить председателя колхоза от функций доставалы и толкача. Пока «Сельхозтехника» совмещает ремонт с торговлей, вряд ли что изменится, так как все материальные ресурсы, запчасти она в общем-то оставляет себе. Когда мало — не до торговли. Но система фондирования и лимитирования довольно бесцеремонно толкает нас, председателей, на путь доставал. Что поделать, приходится — без техники сегодня ни шага не сделаешь. Посмотрите, сколько тысяч вы теряете на ручном тереблении льна...

Ничипорук. Да кто же этого сегодня не понимает! Но вы учтите нашу технику... Она настолько устарела... Отсутствие нужных тракторов — это нарушение всех сроков агромероприятий; это значит, например, что компостов мы вносим вдвое меньше Бедули... У нас не набирается и тридцати тракторов всех марок на две тысячи двести гектаров пашни! До сих пор живучи старенькие «ДТ-54», да и тех — всего лишь восемь. Старый трактор — это до семи ремонтов в год! Мы готовы купить и три и пять современных гусеничных тракторов. Однако обещают в этом году только один.

Бедуля. Твердо обещают?.. Да, мы давно уже имеем «Т-75», но в основном «Т-74». Есть и два новеньких «К-700»...

Ничипорук. За три года средняя урожайность у нас поднялась более чем на семь центнеров, но и этого мало, мы должны выйти на рубеж тридцати центнеров с гектара. Это реально. Но вот беда: план каждый раз доводят нам из расчета достигнутой урожайности, не учитывая объективного фактора — качества земли, рельефа поля. Нам бездоказательно завысили балл при оценке почв, искусственно уравняли нас с вашим колхозом «Советская Белоруссия». Но ведь я агроном, я вижу, что это несправедливо. Таким образом, даже добиваясь роста урожайности, мы экономически от этого почти ничего не выигрываем. Из четырех лет лишь один раз удался лен. И нам тут же завысили план. Не учитывается и то, что ваш колхоз рядом с железной дорогой. Ваши машины делают два-три рейса, а мои — один. От нас до торфяников сорок километров, это вдвое дальше, чем от вас. Кто и где учитывает все это? Где обещанный кадастр — экономическая оценка земли?..

Бедуля. Правильно. И все-таки резервы есть. Сколько процентов сортовых посевов? Какова классность семян? У нас почти все посевы сортовые, а семена только элитные или первой репродукции...

Ничипорук. Согласен, мне, агроному, с этого бы начинать — с семеноводства. Есть и другой пример. Вот мы продали молока за январь в полтора раза больше, чем год назад. Но это внешняя сторона экономики, а глубинная в том, что племенная работа у нас пока вовсе отсутствует. А ведь это такой же резерв, как сортовые посевы! Замена ручного труда на свекле машинами — еще один. Вернусь к молоку. Колхоз «Советская Белоруссия» приобрел холодильные установки и теперь продает молоко только первого и второго класса, а это плюс две копейки за каждый килограмм. Улучшилась технология, повысилось качество продукции, повысилась и прибыль. Молодцы!

Бедуля. От молока и у нас прибыли не густо, тоже почти так на так выходит. Уж очень дороги корма... На рубль мы здесь получаем только рубль и пятнадцать копеек. Так что технология производства молока во всех хозяйствах требует срочного совершенствования. А вот свекла на рубль затрат дала нам два рубля. От реализации мяса тоже получили два рубля на каждый затраченный рубль.

Комментарий «Огонька». Под лежачий камень вода не течет. Чтобы рубль давал два, очевидно, нужно держать хозяйственную инициативу в руках, более того — уметь иногда рисковать?

Бедуля. По существу, сельскохозяйственное производство, зависящее от погодно-климатических условий, в какой-то мере всегда риск. Кто не рискует, тот проигрывает. Но действительность такова, что, как ни странно, и наказывают именно тех руководителей, кто отступает от шаблона. «Нарушитель дисциплины» — еще не самый страшный ярлык. Но бич — безразличие, а вовсе не готовность рисковать. Довольно редкое желание рисковать — особенность такого человека, который заинтересован в успехе общественного производства. Разумеется, речь не об игре, не об азарте картежника, когда существует один довод: «Была — не была...» Риск я понимаю как хорошо продуманный ход, именно как проявление инициативы.

Ничипорук. Тут много от характера зависит. И потом, хорошо рисковать тому председателю колхоза, у которого и авторитет в районе и звезда на груди...

Бедуля. А что раньше было: яйцо или курица?.. Чувство риска надо со студенческой скамьи воспитывать. Риск надо поощрять! Чаще всего выигрывает тот, кто добился успеха благодаря много раз проявленной инициативе. Примеров и у нас в «Советской Белоруссии» много. В прошлом году мы, как только узнали о новых расценках, решили посеять восемьдесят гектаров сахарной свеклы сверх плана. Рисковали? Очень, ведь рабочих рук и без того мало. Выход — максимальная в наших условиях механизация! Риск — это всегда и прежде всего расчет. Наш оптимальный вариант нам удался. И осенью эта свекла дала нам двести сорок тысяч рублей прибыли! Кстати, дополнительную оплату на сверхплановых гектарах увеличили вдвое.

Другой пример, из недавнего прошлого. Было время, когда головы снимали с тех, кто не возил навоз под кукурузу. Но традиционно сложилось так, что весь навоз мы давали под картофель и свеклу, а уж на следующий год на том поле размещали кукурузу. Выигрыш безусловный, но как рисковали!..

Самый оправданный риск — браться за новшество, за то, во что уверовал. И не меньший риск — ограждать хозяйство от скоропалительных модных указаний. В этом смысле надо рисковать с первого шага самостоятельной деятельности, а не ждать золотой звезды — иначе не та, брат, последовательность! Сельское хозяйство во все времена особенно жестоко карало авантюристов, любителей какой-либо панацеи от всех бед. Но инициатива человека, экономически грамотного, овладевшего своей профессией, прогрессивно мыслящего, ничего общего с авантюризмом не имеет. Я семнадцать лет председателем и семнадцать лет иду на риск в том смысле, что самый хороший расчет — это еще не результат: цыплят по осени считают! Мы рисковали, переходя на двухразовую дойку. Рисковали, создавая механизированные звенья. Рисковали, вводя новую систему оплаты не по «научным» нормативам, не за гектары «мягкой пахоты», а за конечную продукцию. А строительство? Сплошной риск! Почти нет возможности активно строить все, что необходимо. И можно бы строительства вовсе не затевать и даже ходить в примерных. Но мы рискнули — и начали строить заново центральную усадьбу колхоза. Подняли две улицы современных многоквартирных двухэтажных домов. Достроили, как ни тяжко было, Дом культуры, свинокомплекс. Сейчас строим новый молочный комплекс с беспривязным боксовым содержанием на четыреста коров — последнее слово науки и техники. Да, уже много лет не удается завершить строительство торгового центра — снова зимуют коробки... Но тут не наша вина, хотя глаза нам колет каждый, кому не лень. А что было делать? За последние десять лет подрядные организации не построили в колхозе **ни одного** производственного объекта: ни коровника, ни свинарника, ни тока, ни сарая. Перед нами был открыт спокойный путь: не строить вообще!.. Мы же только за восьмую пятилетку увеличили производство животноводческой продукции вдвое. Как удалось такое? Мы строили. И с каждым годом все больше, но своими руками, хозяйственным способом. Мы реорганизовали и реконструировали за пятилетку все животноводство и зерновое хозяйство. Да еще новый поселок успели построить, где горячая вода, газ, электричество... А если бы мы ждали очереди в подрядной организации?..

Ничипорук. Каждое решение таит в себе риск. Например, жить без механизированного тока нельзя. Гноить то, что собрано,— преступление. Но существующий и предлагаемый проект страдает такими недостатками, что хоть не берись за него. А ведь строители настаивали на нем — на двух сушилках по две тонны. Кто подскажет, кто посоветует?..

Бедуля. Неважно, **кто** сказал, важно, **что** сказал...

Ничипорук. Короче, я принял решение сделать, как у вас, Леонтьевич, в «Советской Белоруссии», я настоял на восьмитонной барабанной сушилке... И еще мы пошли по вашим следам, когда рискнули перевести коров на двухразовую дойку...

Комментарий «Огонька». Мы уже упоминали, что Анатолий Дмитриевич родом из колхоза

«Советская Белоруссия». Его мать, Любовь Лукьяновна, до пенсии долгие годы работала дояркой, причем была дояркой лучшей — она удостоена звания Героя Социалистического Труда! И Анатолий Дмитриевич с детства знал, как тяжел труд на ферме,— будни матери всегда были перед глазами. Не оттого ли он так жадно ухватился за опыт колхоза «Советская Белоруссия», где уже двенадцать лет не доят коров вручную, где уже пятый год доярки доят дважды в день. Работают не просто от темна до темна, а по строгому графику. Двухразовая дойка нужна не для коров — это путь к высвобождению колхозниц-женщин от труда традиционно нелегкого. Всякая технология совершенствуется прежде всего в интересах человека. Если труд будет облегчен, максимально механизирован, а многие производственные процессы автоматизированы,— человеку будет просто интереснее работать. Да и к нему самому, овладевшему машинами, изменится отношение: все-таки не хвосты волам крутит, а за пультом стоит! Не скотник, а механик... Короче, есть прямая связь между научно-техническим прогрессом, вторгающимся в село, и социальным обликом селян...

Бедуля. Приобщение к технике, безусловно, меняет человека. Не зря механизаторов на селе величают: «Наш рабочий класс!» Теперь все больший круг колхозников вовлекается в сферу машинизированного труда, даже женщины-доярки. Но вот мы построим молочный комплекс, и потребуются животноводы новой, повышенной квалификации. Жизнь заставит готовить животноводов так же, как сейчас готовим механизаторов широкого профиля. И тогда в еще большей степени повысится личная ответственность человека, теперь уже технологически связанного со сложнейшими механизмами и приборами. Одно дело — сломать лопату, а другое — линию кормораздачи...

Ничипорук. А чувства ответственности, Леонтьевич, чувства хозяина, ох, как не хватает!.. И оплата за труд растет, а вот иной, пока картошку свою не выкопает, на колхозное поле не выйдет. Мы тоже дома многоквартирные строим, и кино у нас, и телевизоры... А вот дисциплину наладить труднее, чем у вас. Мы, председатели, не можем ни оштрафовать лодыря, ни уволить его с работы, как в городе...

Бедуля. Да и не надо! Дело воспитания — тонкое дело, особенно воспитание человека взрослого. Я много думал и думаю над тем, как сформировать такой коллектив, чтобы все друг друга понимали с полуслова, работали именно самоотверженно... Штрафами не поможешь. И мечтать о кнуте — значит вернуться к старому. У нас часто бывают социологи. Главный интерес у них: как задержать людей, особенно молодых, на селе? А я думаю о другом: занятость огромного числа людей в сельском производстве — показатель отсталой технологии. Свидетельство труда малоквалифицированного, чаще всего ручного. Слышал и такое: ручной труд на свекле, уборке картофеля или теребленин льна позволяет заработать большинству селян... Подобное рассуждение — тормоз прогресса в сельском производстве. Ручной труд — это прежде всего низкое качество продукции, затягивание сроков, разбазаривание средств, высокая себестоимость. И, конечно, самая низкая производительность. Тут соревнование — одна видимость. Социологи подтверждают, что в нашем колхозе все большее число людей пользуется электричеством, водопроводом, канализацией, у нас больше прочитывают книг, чаще посещают кино, а теперь и регулярные спектакли в Доме культуры. Мы не только по молоку, но и по художественной самодеятельности занимаем первое место в районе. Это важный показатель! Значит, у наших колхозников больше свободного времени, они имеют возможность обнаружить, развить свои способности не только в сфере труда. Хорошо? Конечно! Достижение? Определенно! И все-таки главные социальные изменения должны происходить именно в сфере производства — это базис. Удовлетворяет ли вас труд? Ваша специальность, профессия — результат свободного выбора или случайность? Вы лично заинтересованы в том, чтобы колхоз ваш был богаче?.. Вопросов десятки, сотни... И все они важнее того, сколько времени механизатор проводит перед телевизором. У нас многие мальчишки, даже дошкольники, могут назвать своего любимого хоккеиста: Харламов, Третьяк, Якушев, Эспозито... Но меня больше волнует другое: будет ли этот парнишечка через десять лет х о з я и н о м артели, той самой, которой его родители, люди моего поколения, отдали всю жизнь, все свои устремления?

Ничипорук. У нас сейчас в полеводстве почти одни пенсионеры остались, а молодежи очень мало...

Бедуля. Молодежи мало еще и потому, что в сложившихся условиях, при относительно отсталом способе производства, молодым не то что делать нечего — дел-то как раз очень много,— но им неинтересен труд непривлекательный, несовременный.

Ничипорук. Но ведь у нас оплата не намного меньше вашей!

Бедуля. Да, денежные накопления растут. Но жизнь показала, что рубль не все проблемы решает. Без личной заинтересованности в общем деле, без душевной потребности бежать с восходом солнца в поле, на ферму нет полноценного человека, члена общества. Именно эти черты — основные в социальном портрете сегодняшнего, я бы подчеркнул, передового колхозника. И система оплаты и технологическая линия производства молока, хлеба, мяса, картофеля должны быть перестроены так, чтобы любой колхозник снова почувствовал: это мое, в этом — я весь как личность, как мастер! Для меня наслаждение видеть, как работает столяр, пахарь. Посмотрите, мы технику стоимостью в десятки тысяч рублей дали в руки колхозника. Доверили! Но это и аванс — будь хозяином. Более двадцати лет работает у нас Сергей Егорович Трофимов, директор нашей колхозной техники. Это подлинный хозяин, которому я полностью доверяю. На доверии воспитываем и специалистов, а их больше трех десятков в нашем колхозе. Человека как личность формирует социальная атмосфера, окружающие его порядки. Доверие — одно из условий прогресса. И сегодня, как никогда, важно сплавить техническую мысль с преимуществами социализма...

Комментарий «Огонька». Одна фраза Владимира Леонтьевича Бедули поразила нас: «Я два года стоял в очереди за этим ансамблем». В последнее время в колхоз «Советская Белоруссия» регулярно и с удовольствием приезжают многие творческие коллективы. Здесь уже были и хор имени Пятницкого, и коллектив под руководством Свешникова, и артисты Московского и Ленинградского цирков, здесь пели и плясали моряки-черноморцы. Огромное воспитательное значение имел приезд группы ветеранов Великой Отечественной войны во главе с вице-адмиралом Героем Советского Союза Георгием Никитичем Холостяковым, а также группы ветеранов Краснознаменного имени Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии. Залучить прославленные коллективы, людей знаменитых в дальний колхоз нелегко. Однако и в этом — социальная политика председателя В. Л. Бедули. Он шлет заявки, письма, просьбы; годами ждет своей очереди — и добивается, чтобы колхозники имели возможность и отдохнуть, и расширить кругозор, и узнать удивительные вещи из первых уст и рук. Ежегодно за счет колхоза десятки колхозников выезжают за рубеж по туристическим путевкам, отдыхают в санаториях.

Ничипорук. Я так скажу, Леонтьевич. Тут опять же все зависит от человека, от личности председателя. Хотя бы вас взять, я работал с вами и знаю...

Бедуля. Хотите сказать, что мне легче? Ошибаетесь! Иной раз я врагу не пожелаю стать на мое место. Я исповедую только такое поведение: надо не бояться создавать вопросы! А то, что это кому-то доставляет лишние хлопоты, заставляет решать эти вопросы, меня не волнует, а даже радует.

Комментарий «Огонька». Что значит «создавать вопросы»? Бедуля имеет в виду не искусственное нагромождение проблем перед какими-то инстанциями, а способность чутко, остро улавливать требования жизни и умение тут же на них откликаться. Да, это доставляет беспокойство. Но ведь без этого немыслимо движение вперед. Немыслимо совершенствование организации и управления хозяйством. Так что, пожалуй, Бедуля прав — именно ему, руководителю передового колхоза, в этом смысле вовсе не легче.

Ничипорук. Тут я не спорю. Но «создавать вопросы» тоже не у всех сразу получается. У вас, Леонтьевич, и характер, прямо скажу, пробивной, и биография ваша на колхоз работает. Мне надо ехать, а вы по телефону звоните. Вам достаточно самому поехать, чтобы добиться решения вопроса, а я и готов бы поехать, попросить, но ведь в иной приемной день просидишь, да так и возвратишься ни с чем... У нас с вами не только экономика на разных уровнях, не только земли разные — у нас неодинаковая степень самостоятельности. Вы-то знаете, сколько организаций глаз с меня не спускают! Не помогают, нет, а именно соблюдают опеку, как бы чего не вышло...

Бедуля. Анатолий Дмитриевич, понимаю вас, ох, как понимаю. И я пережил все, что вы имеете в виду, и я до сих пор не волен в иных своих действиях чисто экономического характера. Так ведь сказано уже: под лежачий камень вода не течет! Экономика, благосостояние — козырь деревни. И ее щит в известном смысле. Будет урожай, нащупаете вы самое рентабельное направление, людей сплотите, специалистов добрых подберете — и откуда только смелость возьмется. За год многие мои предложения не находят поддержки со стороны специалистов, правления. И я не обижаюсь. Хуже было бы, если бы каждое слово принимали на веру. Без коллективного артельного разума — сам себе не хозяин.

Комментарий «Огонька». Диалог председателей оборвался весьма странным образом: Анатолия Дмитриевича кто-то вызвал за дверь — он больше не вернулся, тут же уехал к себе в колхоз. И тотчас выяснилось, что первый секретарь Каменецкого райкома партии решил, что Ничипоруку рано еще встречаться с корреспондентами. Да и колхоз оставлять без его, секретаря, разрешения тот якобы не имел права. Бедуля — иное, мол, дело. Петр Васильевич Мартысюк и нам так сказал:

— Как руководитель Ничипорук неплохой, только в печати красоваться ему рано — и все. А вообще-то в районе и резервы есть и возможности большие.

Так закончился диалог председателей — на вопросе о степени доверия, о степени самостоятельности того или иного руководителя хозяйства, будь он со звездой Героя или пока лишь с дипломом специалиста. А ведь П. В. Мартысюк сам недавно председательствовал в соседнем колхозе «Родина», и лишь четыре месяца как избран секретарем райкома. Конечно, опыт — дело наживное, в том числе и опыт большой партийной работы, так же, как и культура власти и чувство такта...

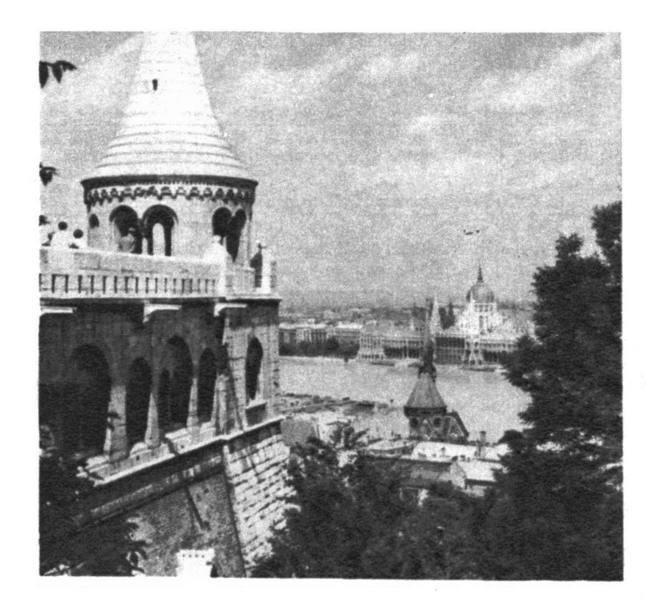
* * *

Мы уезжали из Каменецкого района полные ощущения устремленности и движения вперед, весне навстречу. Не по-зимнему грело солнце, кричали грачи, так и не покинувшие родину, голубела среди озими вода. Только бы не было морозов — к ожиданию весны примешивалась и тревога. И еще: хотелось новой встречи с Анатолием Дмитриевичем и с Владимиром Леонтьевичем.

Люди — залог новых успехов на селе. Ведь председателю колхоза «Советская Белоруссия» посвятил поэт А. Вознесенский строки:

Его и славословили, и крыли.
Но поискам — не до шумих.
Бедуля дует
на подземных крыльях!
Я говорю: «Летающий мужик».

К околице великолепного поселка со старым названием Рясна подошла новая весна.

4 апреля — национальный праздник венгерского народа — День освобождения страны от фашистских захватчиков. Советский Союз и братскую Венгрию связывают тесные узы дружбы. В орбиту братских интернациональных связей двух стран вовлечены сегодня тысячи и тысячи людей. О некоторых из них, о гражданах сегодняшней Венгрии, рассказывает корреспондент «Известий» в Будапеште.

Александр ТЕР-ГРИГОРЯН

ДЮРИ, ЖУЖА И ДРУГИЕ

ДЬЁРДЬ ТОТ — инженер, работает в Сольноке, специалист по технике бурения нефтяных и газовых скважин. У нас оказались общие друзья, затем выяснилось, что Дюри отлично говорит по-русски, имеет высокий футбольный разряд (участвовал во всевенгерских соревнованиях), является общественным директором молодежного клуба и во время летнего отпуска работает гидом с советскими туристами — исключительно «из любви к искусству». Он принадлежит к племени беспокойных, ищущих и бескорыстных людей, тех самых, что всепонимающим обывателям порой кажутся странными.

Доброе и улыбчивое лицо Дюри приобретало какое-то особое выражение, когда он говорил о встречах с группами советских туристов.

— Ты представляешь? Поезд останавливается в Дебрецене, и я первый венгр, которого они видят после пограничников и таможенников. Ведь от меня зависит, какими глазами они взглянут на Венгрию. А первое впечатление самое сильное, не так ли? Поверишь, я каждый раз волнуюсь, как перед экзаменом.

«Я первый венгр, которого они видят...» Это звучало, как признание в любви, осторожно и почти торжественно. Позже я узнал, что у него повсюду друзья — и в Новосибирске, и в Ленинграде, и в Улан-Удэ. Друзья, которые пишут письма, друзья, которые «взглянули на Венгрию» глазами Дюри.

С тех пор, как мы виделись впервые, прошел год. Я снова встретил его в Сольноке в воскресенье, в комсомольском лагере-парке.

— Улучшение энергетической структуры — одна из главных задач пятилетки,— почти кричал он своему приятелю, тоже буровику.— Геологи находят месторождение, а наше с тобой дело — бурить и совершенствовать технику бурения. Сейчас у нас тридцать станций, а должно быть сорок. Не хватает рабочей силы. На такой труд немного охотников. Что же, так с этим и мириться? Надо развернуть пропаганду, использовать экономические рычаги...

Но приятель и не думал с ним спорить. Разговор становился сугубо специальным. Потом оба спохватились, и Дюри сказал мне виновато:

— Понимаешь, энергетика — важнейший момент в интеграции...

Я понимал. Понимал, что моему товарищу до всего есть дело, что сердце его бьется учащенно, что на него, на таких, как он, ровесников республики, вполне может положиться народное государство.

ЖУЖА РАБ. Недавно в Москве ей присудили литературную премию имени Горького. Страна, литературе которой Жужа посвятила жизнь, знает ее и ценит. У Жужи есть советский орден «Знак Почета» и юбилейная ленинская медаль «За доблестный труд».

Как это началось, Жужа точно не помнит.

Училась в Будапештском университете на отделении русско-венгерской филологии. Поступила сразу после Освобождения. Быстро исчезали руины войны и вместе с ними — руины старого мира. Новый мир уверенно входил в сознание людей. И русский язык стал близким и родным, как свой собственный, потому что удалось ей прикоснуться к самым тонким его струнам. Когда сдавала зачет по Пушкину и Лермонтову, вместо письменной работы вручила профессору переводы двух стихотворений. Первые в жизни. Профессор был удивлен: таких переводов русской поэзии он никогда раньше не видел. Маленькой, хрупкой женщине суждено было раскрыть перед венгерским читателем неиссякаемые сокровищницы русской литературы.

Достаточно назвать одну цифру: 142 тома классической русской и советской художественной литературы на венгерском языке в ее переводе. И стихи и проза. Двести рассказов Чехова, шестьдесят — Горького. Почти весь Есенин.

Мы сидим в ее очень светлой и уютной комнате в Буде, на улице Лоци, перебираем книги, которым она дала вторую жизнь — на венгерском языке. Толстые тома с золотым тиснением, дешевые массовые издания. Собрания сочинений, антологии. Автографы советских писателей, слова благодарности.

Жужа рассказывает, как ездила в Советский Союз, как открыла множество новых литературных имен...

Каждая из 120 тысяч строк русской поэзии, переведенных ею, привилась и расцвела на венгерской почве. Как-то в одном сельском детском саду пятилетняя девочка прочла по моей просьбе несколько стихотворений. Она читала, внутренне улыбаясь каждому слову, в такт стихам подрагивал красный бант в волосах, и я узнал Агнию Барто. А рабочий парень в Мишкольце прочитал мне несколько есенинских строк. Светлая печаль поэта, преодолев время и расстояние, нашла отзвук в дымном рабочем Мишкольце. И сделала это Жужа.

В Сексарде, в новом Дворце культуры, венгерский комсомол проводил недавно конкурс любителей советской литературы. Солдаты, рабочие, школьные учителя выходили по очереди и читали стихи Есенина, Маяковского, Блока, современных советских поэтов. И тоненькая Жужа Раб, сидевшая в жюри, как бы принимала парад своих переводов. А участники конкурса съехались со всей Венгрии. Их было так много, любителей нашей литературы, что конкурс растянулся на несколько дней. И это тоже было Жужиным торжеством.

Будапешт.

РАУЛЬ ВЕРДИНИ В МОСКВЕ

«Сатира в борьбе за мир» — это международная выставка выдающихся мастеров политической карикатуры тридцати стран, открытая в залах Академии художеств СССР.

Ряд участников выставки отмечен специальными премиями и почетными дипломами.

Премия журнала «Огонек» за многолетнюю плодотворную борьбу оружием сатиры за дело мира, прогресса и свободы присуждена известному итальянскому художнику Раулю Вердини.

Вручение премии Раулю Вердини состоялось в редакции журнала «Огонек».

РАУЛЬ ВЕРДИНИ.

Дружеский шарж народного художника СССР Бориса Ефимова, сделанный специально для «Огонька».

К 85-ЛЕТИЮ М. ШАГИНЯН

ЯРКИЙ ТАЛАНТ

Время диктует свои законы. Оно неумолимо меняет людей. Когда смотришь на Мариэтту Шагинян, читаешь ее новые книги, трудно поверить, что время властно над ней.

Исключительно разносторонне литературное амплуа Мариэтты Шагинян. Начинала она как журналист. После революции 1905 года постоянно сотрудничала в газете «Приазовский край». В 1909 году выпускает сборник стихов «Первые встречи», а через четыре года второй — «Ориенталиа». В годы первой империалистической войны пробует себя в художественной прозе — публикует сборник рассказов «Узкие врата» и пишет роман «Своя судьба». В 1922—1923 годах журнал «Красная новь» печатает новый роман Шагинян «Перемена» — «быль о гражданской войне на юге страны»,— о котором сочувственно отозвался В. И. Ленин. Позднее, в 1924—1925 годах, из-под пера писательницы выходит трилогия «Месс-Менд» — первая художественная книга о борьбе международного пролетариата с фашизмом. В 1930—1931 годах Шагинян создает одно из лучших своих произведений, роман «Гидроцентраль» — о строительстве электростанции в Армении.

Журналистика, стихи, проза у Мариэтты Шагинян все время были стянуты в один узел, все это было слито с радостным чувством нужности людям, с ощущением полноты и цельности жизни, жизни «взахлеб».

Последние десятилетия писательница увлекается историко-революционной темой. Увлекается не случайно: она восторженно встретила 1905 год. Октябрьская революция, заставшая писательницу в Ростове-на-Дону, где она жила со своей семьей, стала для нее «единственным всамделишным делом на земле, быть может, первым и последним, для которого стоит человеку жить на свете»...

Недавно Мариэтта Шагинян закончила тетралогию об Ильиче, за которую ей присуждена Ленинская премия.

Первая книга — «Рождение сына» («Семья Ульяновых»),— над которой автор работала четверть века и рукопись которой в свое время читала Н. К. Крупская, прочно вошла в золотой фонд художественной Ленинианы.

Следующая книга — роман-хроника «Первая Всероссийская» — охватывает начало семидесятых годов прошлого столетия.

В «Первой Всероссийской» не только объективно осмыслено прошлое, но и верно даны перспективы роста революционного самосознания народа. Анализируя спад общественного движения в те годы, автор доискивается и до тех скрытых процессов, которые бурлили в тогдашнем обществе. Как показывает писательница, катализаторами этих процессов выступали, помимо радикально настроенных юношей и девушек, будущих народовольцев, главным образом различного рода просветители и особенно народные учителя, через руки которых проходила добрая половина людей семидесятых и последующих годов. Вместе с Ильей Николаевичем Ульяновым они основные герои романа.

В предисловии к последней книге тетралогии — «Четыре урока у Ленина»,— вышедшей в 1970 году в издательстве «Молодая гвардия», Шагинян пишет: «...Родилась книга «Семья Ульяновых». Спустя 30 лет к ней присоединилась «Первая Всероссийская»... Между тем время шло.., а тема «Ленин», сам Ленин, мудрый, взрослый, учитель, преобразователь жизни, открывший новую эру не только в социально-политической области, но и в этике, в философии, в теории познания,— оставалась все еще впереди. И я решилась, наконец, приступить к ней. Так родилась, вернее — начала рождаться, самая трудная, самая увлекательная книга в моей жизни».

«Четыре урока у Ленина» — строго документальное и в то же время высокохудожественное произведение. Каждая страница этой книги тщательно выверена, чтобы не осталось ни одной неточности, ни одного лишнего украшения, ничего, что могло бы отвлечь от факта, от правды, ясной даже в мельчайших подробностях.

В этой книге Владимир Ильич предстает перед читателем зрелым и глубоким мыслителем, философом и преобразователем. Писательница раскрывает особенности его теории познания, отношение к проблемам нравственности, к творчеству художника, к поведению человека. Это действительно четыре урока у Ильича, полученные автором от чтения его книг и воспоминаний о нем.

Талантливое художественное слово писательницы выступает поистине «полководцем человечьей силы». Тетралогия о В. И. Ленине не только рисует революционную эпоху, не только воскрешает образ Ильича, она вооружает каждого из нас — ее читателей — партийностью, гуманизмом.

Да, творческий диапазон Шагинян необычайно широк: от газетной заметки до большого эпического полотна. Когда читаешь написанное ею, радует обилие художественных приемов, красочность стиля, богатство созданных образов.

Человек энциклопедических знаний, женщина-эрудит, смелый и волевой человек, она боится одного — славы и света юпитеров. Скромнейший чародей слова, Шагинян предельно взыскательна и к себе и к своим литературным трудам. В предисловии к шеститомнику сочинений она говорит: «Оборачиваешься на весь пройденный тобою путь с остро критическим чувством всех его ошибок и несовершенств. Что выбрать из написанного? Я взяла меньше четвертой его части».

Такова она, талантливейшая труженица, предельно чуткий человек. За свою нестареющую любовь к людям она заслужила их глубокое признание и искреннее уважение.

Михаил ЛАПШИН

В ЧАС ВСТУПЛЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРУ...

В одном из первых номеров «Огонька» (1923, № 16) был опубликован очерк о Чапаеве Дмитрия Фурманова. Здесь же впервые читатели увидели фотографии автора и героя очерка.

...Солнечный весенний полдень 18 марта 1923 года. В Истпартотдел ЦК РКП(б) пришел взволнованный Фурманов. На столе перед ним — томики в мягкой обложке, еще пахнущие свежей типографской краской.

— Хорошо. Очень хорошо,— наклоняясь к смущенному автору, говорил старый большевик, один из руководителей Истпарта, П. Н. Лепешинский.— Это одно из лучших наших изданий... Особенно в таком роде, в таком роде еще не бывало. Это ново. Читать нельзя иных мест без волнения. Очень, очень хорошо... Успех будет большой, распространится быстро...

Так пятьдесят лет назад начала свой путь к миллионам читательских сердец книга «Чапаев» Д. А. Фурманова.

А на следующий день — бывают такие совпадения!— открылась выставка Ассоциации художников революционной России (АХРР) «Красная Армия», одним из центральных событий которой стал портрет Фурманова, написанный выдающимся русским художником Сергеем Васильевичем Малютиным.

История создания этого портрета долго оставалась неизвестной, а его датировка давалась в самом общем виде — 1922 год, такую дату обозначил на холсте сам художник. Теперь есть возможность более точно установить время посещения Фурмановым мастерской Малютина на восьмом этаже большого дома художников по Мясницкой, 21.

Летом 1922 года состоялась выставка АХРР «Жизнь и быт Красной Армии». Она привлекла широкое внимание. Было решено к весне 1923 года, к 5-летию Красной Армии, подготовить новую тематическую выставку. Художникам были даны заказы.

С. Малютину предложили написать портрет военкома, только что получившего за личный героизм орден Красного Знамени. «Фурманов Дмитрий Андреевич,— записал о себе военком в альбоме художника.— Начальник Политического управления Туркестанского фронта и комиссар Красного десанта, ходившего в тыл к неприятелю осенью 1920 года».

...И вот через полвека поднимаемся на восьмой этаж дома художников, теперь уже по улице Кирова, 21.

— Здесь была мастерская отца,— рассказывает Ольга Сергеевна Малютина, тоже художница.— Я хорошо помню, как писался портрет Фурманова. Было очень холодно, и не только на дворе, но и здесь, в мастерской. Фурманов накидывал шинель на плечи, застенчиво садился, положив портфель на колени. Постепенно отец втягивал его в разговор, и тогда Фурманов преображался, увлеченно рассказывал о прошедших боях, о Чапаеве и его соратниках...

Из совокупности всех данных можно заключить, что портрет Фурманова был написан в октябре — декабре 1922 года. Это была особая пора в жизни Фурманова: он сделал решающий шаг в своем литературном творчестве. В октябре 1922 года Истпарт полностью одобрил замысел начинающего писателя создать книгу о В. И. Чапаеве; Госиздату было дано указание заключить договор на ее выпуск к 5-летию Красной Армии. Воодушевленный поддержкой, полученной в авторитетном историко-партийном учреждении, Фурманов вплотную приступил к работе над рукописью, которая была окончена в начале января 1923 года.

В это же время и запечатлела его кисть художника. Конечно, Малютин не знал тогда, да и не мог знать Фурманова как писателя. Но во вдохновенном облике человека, охваченного творческим подъемом, зоркий глаз художника-реалиста сумел увидеть подъем целого нового поколения, рожденного Октябрем. Работа Малютина открыла новую страницу в истории русской портретной живописи.

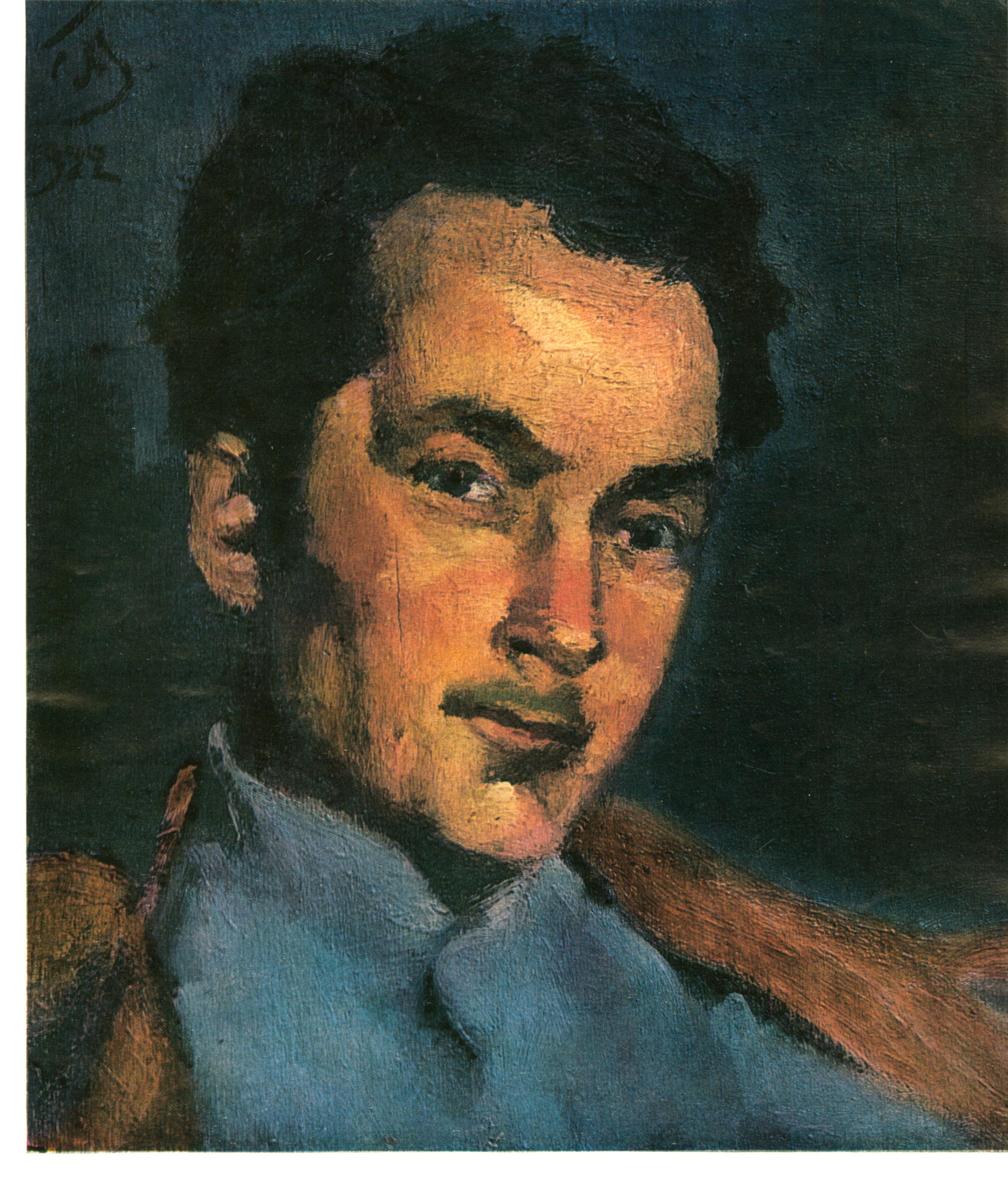
Портрет Фурманова, находящийся сейчас в Третьяковской галерее, широко известен, он экспонировался на ряде выставок, многократно репродуцировался в печати.

Но мало кто, кроме специалистов, знает, что наряду с ним Малютин написал еще один портрет Фурманова — на фанере небольшого формата. Порой можно встретить утверждения, что эта работа является живописным этюдом к портрету писателя, первоначальным наброском.

Так ли это? «Сергей Васильевич,— свидетельствует О. С. Малютина,— не делал первоначальных этюдов к портретам. Второй, небольшой портрет — самостоятельное произведение, которое он выполнил лично для Фурманова».

Действительно, нетрудно заметить, что этот портрет — он ныне хранится в фонде Фурманова в Институте мировой литературы имени А. М. Горького — отличается от другого, большого. Он более интимен по трактовке, лиричен и тем особенно интересен. Он помогает лучше увидеть и понять образ выдающегося писателя в его звездный час — в пору создания «Чапаева» — одного из первых замечательных творений советской литературы, вот уже полвека привлекающего к себе миллионы читателей.

Дм. ШЕЛЕСТОВ,
кандидат исторических наук

С. Малютин (1859—1937). ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ Д. ФУРМАНОВА. 1922.

Институт мировой литературы имени А. М. Горького.

Р. Келлер (1850—1917). ЗАБАСТОВКА.

Антон РЕФРЕЖЬЕ

Наш большой друг и автор известный американский прогрессивный художник Антон Рефрежье прислал в редакцию этот материал, рассказывающий о создании одного из интереснейших реалистических полотен в истории американского искусства XIX века — «Забастовка».

В статье мы также познакомимся и с создателем картины живописцем Робертом Келлером.

ЗАБАСТОВКА

В Нью-Йорке появилось новое здание — Рабочий центр Мартина Лютера Кинга. Это штаб-квартира профсоюза больничных служащих. Негры, пуэрториканцы и белые, объединенные в этом профсоюзе, работают в городских больницах носильщиками, лаборантами, поварами, уборщиками и т. д. Не так давно эти люди получали такое нищенское жалованье, что его едва хватало, чтобы влачить убогое существование в городских трущобах. Затем с помощью решительных забастовок они добились повышения заработной платы, установления пенсий и улучшения медицинского обслуживания. Негры и пуэрториканцы, составляющие более половины членов профсоюза, естественно, борются за свои права не только в рядах профсоюзов. Они участвуют в движении за гражданские права (и оказывали, надо заметить, полную поддержку Мартину Лютеру Кингу вплоть до его трагической гибели), помогают сторонникам мира.

В новом здании профсоюз решил создать картинную галерею (по-моему, это единственный случай, когда профсоюз решил познакомить своих членов с искусством именно таким образом). Галерея располагается на первом этаже, и каждый месяц здесь устраиваются выставки работ художников, придерживающихся гуманистического, прогрессивного направления, и художников-любителей из профсоюза. Планируется показать картины художников из других стран — из Мексики, Пуэрто-Рико, Советского Союза. Галереей заведуют пенсионеры — бывшие члены профсоюза.

На стене здания красуется огромная мозаичная надпись: «Без борьбы нет прогресса». Это лозунг Фредерика Дугласа — выдающегося борца за освобождение негров от рабства. Надпись по поручению профсоюза делал я.

Сегодня в вестибюле, у входа в галерею, висит картина огромного исторического значения для рабочего движения — «Забастовка». Ее написал в 1886 году Роберт Келлер (1850—1917), художник немецкого происхождения, который большую часть своей жизни прожил в Соединенных Штатах. Келлер преподавал в одной из школ штата Миннесота, куда в середине прошлого столетия эмигранты из Германии и Швеции занесли либеральные и социалистические идеи. Эту картину профсоюзу временно предоставил хорошо известный критик Ли Баксандолл, который обнаружил ее в таком плачевном состоянии, что ему пришлось отреставрировать ее. Случаи утери картин нередки в истории, что зачастую объяснялось изменчивой модой на художников. Бывали случаи, когда бесценные произведения искусства находили на чердаках среди хлама или в лавках подержанных вещей.

Однажды Ли Баксандолл увидел в одном журнале репродукцию «Забастовки», которая была перепечатана с более раннего издания. Репродукция привлекла его внимание. Он начал искать сведения о ней в справочниках, в библиотеках. В конце концов поиски привели его в Миннеаполис, на родину Келлера. Там в подвалах Института искусств он и нашел картину. Теперь Баксандолл работает над книгой о жизни художника.

Многие художники писали картины о рабочих и выражали свою солидарность с рабочим классом. В связи с этим я вспоминаю знаменитую картину Репина «Бурлаки», которую я видел в Третьяковской галерее в Москве. Я думаю о потрясающих ранних рисунках и картинах кисти Ван Гога, написанных им в тот период, когда он жил среди бельгийских шахтеров. Я не могу забыть графику Кете Кольвиц, которой удалось передать в своих работах боевой дух немецких рабочих. И совсем недавно мощное движение мексиканских художников во весь голос заявило языком настенной живописи о борьбе рабочего класса Мексики. В предвоенные годы многочисленная группа американских художников также обратилась к этой теме. Это объяснялось не только их симпатиями к рабочему классу, но также и тем, что их положение в годы депрессии было бедственным.

По убеждению Ли Баксандолла, проделавшего большую работу, это первая картина XIX столетия, которая показывает не только достоинство или нищету угнетенного рабочего, но и боевой дух рабочих во время забастовки. Картина представляет собой панораму, на которой справа изображены бездействующие фабричные цеха, унылый и заброшенный вид которых представляет собой резкий контраст роскошному особняку владельца фабрики. Начальным элементом композиции служит группа людей, выходящих из цеха. Люди оживленно беседуют. К толпе присоединяется человек с пальто, перекинутым через руку. Композиция ритмически завершается сценой на переднем плане. У входа в особняк собралась толпа рабочих. Жена рабочего о чем-то просит своего мужа. Человек поднимает с земли булыжник. Настроенные по-боевому рабочие окружают своего представителя, который обращается к холеному господину с холодным выражением лица, стоящему на пороге дома. На лице слуги написаны ужас и рабская боязнь за своего хозяина.

Многих художников трогала тема простого люда — рабочих, фермеров, швей, клоунов, уличных нищих. Лишь немногие прославляли в своих картинах богачей. И, рисуя представителей привилегированных классов, такие художники, как Домье, Гойя, обнаруживали мало сострадания или симпатии. Рабочие Роберта Келлера кажутся живыми — так тщательно выписаны их лица и одежда. Его владелец фабрики кажется холодным и безжизненным. Многочисленные фигуры забастовщиков образуют единую, сплоченную массу людей, в противоположность им владелец фабрики одинок.

Баксандолл считает, что это первая картина, повествующая об одном из эпизодов классовой битвы. Конечно, есть и более ранние картины, рассказывающие о достоинстве рабочего, о страданиях трудящихся, но «Забастовка» считается первой картиной, где такой крупный художник, как Келлер, показал рабочих, организованно готовящихся вступить в открытую схватку с владельцем средств производства. Келлер писал, что на создание картины его вдохновила крупная забастовка железнодорожников Питтсбурга в 1877 году. Люди, стоящие перед владельцем,— машинисты (отец Келлера тоже был машинистом). Келлер, который в период создания картины временно жил в Мюнхене, посещал промышленные районы Лондона и Бирмингема, чтобы делать наброски с натуры. Он также сделал множество эскизов рабочих, стремясь добиться реалистического изображения их лиц, одежды.

Главные идеи для своих картин Келлер черпал исключительно в окружающей реальности. «Самое лучшее, что мы можем сделать,— заявил он в интервью в 1901 году,— это рисовать то, что мы видим вокруг себя, и стараться понимать, что сейчас нужнее всего. Я всегда стремился к этому, и сейчас я чувствую, что должен делать это больше, чем когда-либо».

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА РАХМАНИНОВА

Сергей Васильевич Рахманинов был поразительно, феноменально одарен. О его музыкальном слухе, памяти, концентрированности творческой энергии, благодаря которой он писал свою гениальную музыку подчас с внешней моцартовской легкостью, сохранились сотни свидетельств, одно красноречивее другого. Вот некоторые из них.

Свою дипломную работу в Московской консерватории — знаменитую оперу «Алеко» — 18-летний Рахманинов написал в течение 17 дней, считая от получения экзаменационного задания до полного завершения партитуры. А ведь это около часа звучания музыки!.. Только чисто техническое написание партитуры должно было занять немало дней.

Касательно его музыкального слуха и памяти современники замечали, что о каком бы музыкальном произведении ни заговорить, будь то фортепианное сочинение или симфоническое, современного автора или прежнего — что хотите, если он только это сочинение слышал, это значит, он его знает наизусть и может сыграть,— не наиграть, а именно сыграть, как вещь, которую он учил... Есть и еще более удивительные, граничащие с чудом свидетельства рахманиновского слуха и памяти. Выдающийся русский музыковед-теоретик Б. Л. Яворский вспоминает, как однажды Рахманинов был в гостях у Танеева. В это время к нему приехал Глазунов и впервые сыграл первую часть своей новой, Шестой симфонии. Рахманинов сидел в соседней комнате. Когда Глазунов кончил играть, он вошел, сел за рояль и сыграл, к изумлению автора и всех присутствовавших, первую часть Шестой симфонии, как всегда, с блеском и мастерством.

Подобных фактов можно привести множество... Примечательно в этом плане, что Петр Ильич Чайковский, присутствуя в Московской консерватории на одном из курсовых экзаменов Рахманинова по композиции, поставил ему, тогда 15-летнему мальчику, пять с четырьмя плюсами! И этот случай в какой-то мере символичен. Чайковский как бы предчувствовал, что именно Рахманинов станет крупнейшим продолжателем его традиций, что в лице его русская музыкальная классика обретет нового гения — композитора, который приумножит своими сочинениями ее творческую сокровищницу, ее золотой фонд.

Что же главное в творческом облике Рахманинова-композитора? Ответить на подобный вопрос довольно трудно. Ведь его музыка — это целый мир поразительных по яркости художественных образов. Их глубина и богатство заставляют вспомнить крупнейших, выдающихся гениев человеческой культуры — Пушкина, Льва Толстого, Шекспира, Бетховена...

Когда-то Рахманинов сказал о своем близком друге, гениальном русском артисте Шаляпине: «Он пел так, как Толстой писал». Мне думается, эту краткую, но удивительную по лаконичной емкости формулировку можно переадресовать и самому Рахманинову: он также умел с необыкновенной мощью, пользуясь средствами своего искусства, отображать типические явления жизни, процессы ее развития. Он также был глубоко национальным русским художником в самом полном и точном смысле слова.

Вероятно, основное в творческом почерке Рахманинова — сколь ни трудны подобные обобщения — есть несравненное чувство русской песенности, русского голоса. Не случайно в связи с его музыкой часто говорят о «бесконечной мелодии»... В самом деле, мелодии Рахманинова необычайно протяженны. Они создают ощущение безбрежной шири, неоглядных русских просторов. Но это не пассивная созерцательность окружающей природы: музыка гениального композитора всегда чрезвычайно динамична, всегда отличается огромной экспрессией! Вспомните хотя бы его юношеские сочинения: оперу «Алеко» и знаменитый «Прелюд для фортепиано до-диез минор». Какой эмоциональный размах, какая поистине грандиозная амплитуда динамических нарастаний! И какая удивительная концентрированность мыслей и чувств!.. «Прелюд до-диез минор», являющийся типичной фортепианной ми-

ГЕНИЙ РУСС

ниатюрой, по богатству и динамизму музыкально-образного содержания может быть сравним с симфонией.

Жизнь всегда безгранично богата и разнообразна. Творчество гениальных художников, разносторонне и глубоко отображая ее, полно самых различных чувств и мыслей. Но при всей разноплановости, несхожести содержания в нем всегда есть центральная, сквозная идея, определяющая пафос творчества их авторов, создателей крупнейших, значительнейших произведений, созданию коих они отдавали жар своей души... Такова и музыка Рахманинова. Напоенная ароматом цветущего летнего дня «Прелюдия для фортепиано соль мажор», благоухающая утренняя свежесть романса «Сирень», бурлящие, вспененные валы романса «Весенние воды», тоскливая пустота глухой ночной степи в романсе «Ночь печальна», трагедийная экстатичность фортепьянных прелюдий Си минор и Ми минор, задушевнейшая, поэтичная лирика фортепьянных прелюдий Ми-бемоль мажор и этюда Соль минор, непритязательная прелесть «Итальянской польки», ликующая радость фортепьянных прелюдий Си-бемоль мажор и этюда Ми-бемоль мажор, суровая, маршевая чеканность прелюдий Ре минор, Соль минор... Поразительное богатство эмоций и выразительность красок!.. Но есть в нем, во всем этом богатстве, центральный образно-тематический комплекс. Это эмоции мужественной силы, героического тонуса, могучего—по-бетховенски, по-шекспировски—размаха чувств... Именно они определяют пафос крупнейших сочинений Рахманинова: Первого, Второго и Третьего концертов для фортепьяно с оркестром, Второй симфонии, Второй сюиты для двух фортепьяно в четыре руки... Перефразируя известную мысль, можно сказать, что музыка эта, как, впрочем, и все, что написано Рахманиновым, высекает огонь из людских сердец.

Одно из основных выразительных средств музыки Рахманинова — упругий, стальной ритм, непрерывно держащий слушателя в состоянии эмоционального напряжения. В сочетании с безбрежным мелодийным разливом он и дает чрезвычайно впечатляющую силу музыкальным образам его произведений.

Я хорошо помню, с каким восторгом встречались они слушателями в предреволюционные годы. В них чувствовалось образное обобщение надвигающихся революционных перемен.

В музыке Рахманинова и впрямь «слышится встревоженность начала века, полная грозовых предчувствий». Но при этом Рахманинов «совсем особенно принимал предгрозовые настроения и бурлящие ритмы русской современности: не разрушение и хаос слышались ему, а предчувствие великих созидательных сил, возникающих из недр народных...». Слова эти принадлежат академику Б. В. Асафьеву. Мне кажется, в них очень точно передано то ощущение, с которым накануне революции воспринимала музыку великого русского композитора, утверждавшего торжество реалистических принципов русской музыкальной классики, передовая общественность России...

Сергей Васильевич Рахманинов был не только гениальным композитором, но в не меньшей степени гениальным пианистом и дирижером. В этом отношении он, пожалуй, почти не имеет аналога в мировой истории музыки. Трудно назвать другого музыканта, который был бы столь равно гениален и в творчестве и в двух труднейших исполнительских профессиях!.. Великое счастье для истории мировой культуры, что звукозапись донесла до нас многие бесценные шедевры рахманиновского пианизма!..

Должен, однако, сказать, что звукозапись далеко не полно передает всю глубину и мощь Рахманинова-пианиста. Мне посчастливилось много раз его слышать и в качестве пианиста и как оперного и симфонического дирижера... Особенно часто это было в сезоне 1912—1913 годов, когда Рахманинов провел в Москве большой цикл симфонических программ. Впечатление было столь ярким, что, несмотря на прошедшие с той поры шесть десятилетий, помнится буквально все, вплоть до малейшей детали!..

Как зачарованный, слушаешь игру этого титана пианизма, и не верится, чтобы когда-либо мог быть пианист, равный ему... Привожу эти слова только потому, что они принадлежат одному критику из декадентского лагеря, который страстно, но безуспешно боролся против рахманиновской музыки... Рахманинов-пианист побеждал любую, самую предубежденную, самую враждебную аудиторию! Виртуозный блеск был присущ его игре в самой высшей степени, но никогда не приобретал самодовлеющего характера. Самые головокружительные, казалось бы, решительно невозможные для исполнения пассажи звучали у него легко, естественно и просто. Но наиболее поразительным в его игре была вокальность звука. Фортепьяно буквально пело под его руками! В какой бы октаве ни звучала мелодия, она неизменно обретала вокальную эмоциональную насыщенность, свою вокальную эмоциональную выразительность...

Ни одна самая совершенная звукозапись не передает, к сожалению, в полной мере эту особенность рахманиновского пианизма.

И еще ритм — неповторимая ритмическая энергия, непрерывно излучаемая Рахманиновым-пианистом... Не знаю, в чем дело, быть может, в особом артистическом обаянии Рахманинова, но существующие записи его игры в этом отношении не более чем бледная копия... Впрочем, дело, видимо, в том, что Рахманинов, как гениальный артист-трибун, особенно ярко творил непосредственно перед аудиторией. В условиях же студийной записи — а иной в его время не существовало — ораторский пафос его пианизма неизбежно скрадывался, словно отходил на второй план...

И очень жаль, что о Рахманинове-дирижере сегодняшние музыканты и любители музыки судят фактически лишь по воспоминаниям современников.

Очень трудно найти слова, чтобы передать масштаб и мощь его дирижерского таланта. В симфонических программах он буквально потрясал меня поразительным умением лепить музыкальную форму!.. Невозможно забыть, в частности, трактовку Богатырской симфонии Бородина. Что же касается его собственной оратории «Колокола», то ни одно из сотен слышанных мною исполнений не может сравниться с авторской дирижерской интерпретацией. Каждая фраза была скульптурно-рельефной. Динамические нарастания и спады звучали с удивительной силой. И опять-таки выступало на первый план, как и у Рахманинова-композитора, органичное единение безбрежной мелодийности (он непременно подчеркивал мелодическое начало во всех исполнявшихся партитурах) и стального, упругого ритма... Обычно, когда хотят сделать высокую похвалу дирижеру, говорят, что он добился такого эффекта, будто музыка рождается только сейчас, сию минуту, в концертном зале... В творчестве Рахманинова-дирижера этот эффект также возникал, но дело обстояло сложнее. Слушатель все время чувствовал стальную волю дирижера. Поток музыки звучал с огромной выразительной силой, но какая бы то ни было импровизационность была чужда ему. Это было классически совершенное творение, отточенное во всех мелочах, отшлифованное в малейших деталях, которые, интегрируясь, давали величественное целое.

Таков же был Рахманинов и за дирижерским пультом оперного театра, впрочем, с той разницей, что эта стальная дирижерская воля тут органически сочеталась с умением «дышать» вместе с певцом, точнее, с умением полно и глубоко раскрывать дарование каждого солиста... Когда Рахманинов стоял за пультом, певцы буквально преображались. Не случайно они боготворили его, несмотря на то, что он был чрезвычайно строг и требователен. Между прочим, Рахманинов всегда говорил о том, что ему не нужно много репетиций: ему нужно много внимания во время репетиции...

Как известно, в декабре 1917 года Рахманинов уехал с семьей на гастроли в Швецию и более уже не вернулся на Родину...

Горько писать об этом. Горько прежде всего потому, что эмиграция неизбежно оказала весьма тяжелое влияние на развитие таланта Рахманинова.

Для художника, который всем творчеством своим был глубочайшим и прочнейшим образом связан с народом, чья музыка и исполнительство стали в начале XX века едва ли не ярчайшим выражением русской национальной стихии в искусстве, отрыв от Отчизны, от родного народа был чрезвычайно тяжел...

Рахманинов очень болезненно переживал разрыв с родной страной. Как известно, он внешне был чрезвычайно замкнутым, сдержанным человеком, однако К. С. Станиславский вспоминает, что, когда МХАТ возвращался после гастролей в США на Родину, «Сергей Васильевич провожал нас на пристань. Поднимаясь по трапу, я взглянул на него. Сутулясь, стоял он, молча и сосредоточенно всматриваясь в даль моря. На его глазах были слезы...»

Есть и много других аналогичных свидетельств того, как тосковал Рахманинов по родной России, как ее не хватало ему в его неизменно триумфальных концертных гастрольных поездках. Это, кстати, подтверждается и композиторским его творчеством последних лет.

Музыковеды обычно обращают внимание на то, что за рубежом Рахманинов писал гораздо реже, подолгу и трудно вынашивая каждое новое произведение, что в какой-то мере может быть объяснено и возрастом, особой, обостренной требовательностью к результатам творческого труда... Но значительно реже вспоминают о другом, по-моему, гораздо более существенном: о том, что последние произведения Рахманинова окрашены в **скорбные** тона. Несмотря на мужественность, они очень печальны... Таковы фортепьянные Вариации на тему Корелли и Рапсодия на тему Паганини. Таковы Третья симфония, «Симфонические танцы»... Лучше всяких слов они передают душевные муки композитора, жившего на чужбине.

Когда началась Великая Отечественная война советского народа с гитлеровскими захватчиками, Рахманинов, уже будучи тяжело больным, вопреки противодействию американских реакционных кругов устраивал концерты и сбор отдавал в фонд помощи Советскому Союзу... Очень выразительна лаконичная записка в советское консульство, сопровождающая денежный перевод:

«От одного из русских посильная помощь Русскому народу в его борьбе с врагом.
Хочу верить, верю в полную победу!

Сергей Рахманинов,

25 марта 1942 года».

Думаю, что если бы композитор в начале 1943 года не скончался от рака, он вернулся бы на горячо любимую им Родину.

...В эти дни, торжественно отмечая 100-летие со дня рождения одного из крупнейших гениев русской классической музыки, мы не только отдаем дань его памяти. Творчество Рахманинова — с нами. Его музыка звучит постоянно и повсеместно.

Десятки и десятки изумительных сочинений Рахманинова входят в тот золотой классический фонд, который составляет основу репертуара и филармоний, и консерваторий, и музыкальных училищ, и наиболее крупных коллективов художественной самодеятельности. Музыка Рахманинова — крупнейшее явление прогрессивной реалистической культуры XX века... Всегда, даже в годы активизации различных декадентских «измов», высилась она, как несокрушимый утес. И сейчас является она ярчайшим образцом глубоко реалистического русского национального искусства, создаваемого для народа и к нему обращенного...

КОЙ МУЗЫКИ

Ветераны гражданской и Великой Отечественной в гостях у Леонида Максимовича Леонова.

РАЗГОВОР В

Юрий СБИТНЕВ

Разговор начался как-то сразу, словно бы встретившиеся в этот февральский вечер люди расстались друг с другом вчера, будто и не лежало меж этими встречами время длиною в полвека.

Пятьдесят два года не видались друг с другом Александра Александровна Янышева и всемирно известный писатель Леонид Максимович Леонов. Эти убеленные сединами люди были в тот вечер настолько молоды и, я бы сказал, даже настолько по-юношески непосредственно откровенны, что подумалось: вернулось сюда, на улицу Горького, в уютную квартиру писателя, то грозовое, стремительное и неповторимое время гражданской войны. Отсвет его лег на лица этих людей. И теперь, вероятно, сколько бы ни вспоминать мне о них, будут вечно видеться они в этой вот дымке горячих революционных будней.

— Мы жили, а прошлое как бы погружалось в романтическую дымку,— задумчиво сказал Леонов.— Но это была не дымка, нет, не дымка, а трудные, в е щ е с т в е н н ы е ш а г и. Шаги истории, шаги государства...

Вы знаете, прошлое не видишь, нет, не видишь. Прошлое очень трудно, да, пожалуй, и невозможно воскресить в яви. Но малейшая деталь: лежащий в солончаковой степи врангелевский солдат; конармеец на коне, мчащийся по улицам Джанкоя, а за ним погоня; марш Буденного через Тигинку или такое: ночь, горит костер, и какие-то люди в бурках осатанело пляшут, а на них алые отблески огня... Понимаете, это все как ориентиры дальности, по которым определяешь прошлое...

И завязалась беседа, и возникли воспоминания, которые были не просто **ориентирами дальности**, но самыми реальными, **вещественными шагами.** Твердой поступью вошло в московскую квартиру Время. Время с большой буквы...

Но начнем все по порядку.

Это был обыкновенный февральский день, один из тех, когда солнце вдруг как-то сразу станет жарче, и застучат под окнами капели, побегут первые ручьи, обозначатся на сугробах первые солнечные затайки, и в город то ли с полей, то ли из лесов придет необыкновенно густой и чистый воздух — предвестник весны. Он придет в город, и, может быть, люди не ощутят его сразу, не заподозрят даже его присутствие, но в день тот будет больше улыбок на улице, будет больше добрых слов, сказанных друг другу.

Ощущение весны преследовало меня весь тот долгий февральский день. И показался он таким долгим, вероятно, потому, что ждал я давно желаемой встречи с писателем, имя которого знаю, кажется, с первого осмысленного дня и книги которого стали для меня неотъемлемой частью жизни, как книги Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Шолохова...

Я должен был встретиться с Леонидом Максимовичем Леоновым, и не просто встретиться, а присутствовать при его встрече с начальником политотдела Пятнадцатой Инзенской, Сивашской дивизии Александрой Александровной Янышевой, с той самой легендарной женщиной, которая во главе первого штурмового отряда форсировала Сиваш.

— В первую ударную группу на штурм Перекопа отбирали мы из добровольцев только коммунистов и членов комсомола,— рассказывает Янышева.— Проводником нашим был местный житель Оленчук. Он и в Отечественную войну опять проводил наших бойцов через Сиваш. Вышла наша штурмовая группа, бредем мы этим Гнилым морем по пояс, по грудь, по шею в воде, на лошадях только связисты...

Леонов слушает внимательно, подперев щеку рукой. Какая-то большая, многотрудная работа происходит в нем, в мире романиста, в мире, плотно населенном образами, событиями, временем. Слушает Леонид Максимович как-то на особинку, всем своим видом располагая собеседника к рассказу.

— Бредем Сивашом, и каждый знает: в любое время может погибнуть. На нашем пути — а это было всем сказано — могут попадаться колодцы, их не обойти, и много их, может случиться такое, что шагнет человек, а под ногой уже нет опоры. Брел он по шею в воде, а тут вдруг разом ушел с головою — колодец под ним. И вот перед переходом через Сиваш мы все вместе договорились твердо: «Если кто-то вот так попадает в «западню», то гибнуть должен молча, не поднимая паники». И мы шли. Молча... Даже лошадям ржать не давали. Остановить нас нельзя было.

— Лавой хлынули через Сиваш. Разве ее остановишь, раскаленную людскую лаву! Таких сил нет в природе.— Леонов отбросил прядку седых волос, упавших на лоб.— Вы

Фото И. Тункеля.

ФЕВРАЛЕ

знаете, когда заходит речь о революционной стихии народа, когда говорят о народном подъеме и порыве, я всегда вижу перед собой боевой марш конармейцев на Врангеля. Это был ветер. Ураган. Пестрая лента. Стальная пружина крутилась, разворачивалась с гиком, в храпе коней и топоте копыт... Прокатилась мимо Джанкоя, и до Симферополя была рубка. Ух, стра-а-ашно, ух, стра-а-ашно! — Леонид Максимович чуть растягивает «а», и в этом одном только слове «стра-а-ашно!» слышится, нет, не страх, а нечто глубокое, заставляющее сразу ощутить тот напор кавалерийской лавы, которая, словно **пестрая лента** и **стальная пружина**, разворачивалась там, в Крыму, и, развернувшись, смела в море Врангеля.

— Ух, стра-а-ашно! Вы знаете, в конармейцах было что-то такое, что-то такое, ну, прямо гоголевское. Они мне и ростом казались выше других. Куда там, намного выше.

Однажды вечером сижу, пишу фельетон. Вдруг стук в дверь. На пороге двое в бурках, и знаете, головы их где-то за притолокой, ну совсем как у Гоголя. Из «Вия». «Кто,— говорят,— тут начальство? Ага — ты? Мы у тэбэ ночевати будэмо». Вошли, поскидали бурки, оружие сняли, и в хате сразу и повернуться негде стало. Не думал я тогда, нет, не думал, что стану писателем. Мне бы тогда их разговор записать. Что это был за разговор! Будто застывшую магму мешали они в железной ступе. Какой это был язык!

Теперь уже внимательно слушают Леонова Александра Александровна и еще двое ветеранов Пятнадцатой дивизии, пришедших на встречу. Ветеран гражданской — Алексей Петрович Шолмов и Отечественной — Наум Александрович Коваленко. Кстати, Пятнадцатая Инзенская, Сивашская дивизия насмерть стояла на Курской дуге. И выстояла! И победила!

— Да, не думал я стать тогда писателем. Я художником собирался стать. Но помню, очень хорошо помню, как один из буденновцев, неторопливо так, не то чтобы с ленцой, а как-то так, непоспешно, словно булыжину одну к другой: «Вот побили мы их, катимся дале. И накатились на банду. Большая банда. Кричат нам: «А ну, сдавайся! Кидай оружие!» А мы их спрашиваем: «А вы кто?» «А мы,— говорят,— голые. Атамана Голого мы». «Сколько вас?» — это мы их спрашиваем. «Две тыщи»,— они отвечают. Мы, конечно, их всех покрошили и дальше покатили.

— Да, Семен Михайлович лихой был, ох, лихой. Я хорошо его знаю.— Александра Александровна как-то вся разом преобразилась, заулыбалась и словно бы по-кавалерийски подобралась. Была она в свое время лихой наездницей. Водила в атаки бойцов, а тех, кто струсит, кто спину покажет врагу, и нагаечкой охаживала.— Да, лихой был Буденный. Это надо было видеть, Леонид Максимович. Вырвутся они вдвоем с Ворошиловым на ко́нях и так вот парой, рядом мчатся в бой. Кони и они — одно целое. Бурки черные за спинами крыльями застыли недвижимо на ветру. И они застыли, и только шашечки и только сабли блестят над папахами, белыми молниями сверкают сабли. А за ними как хлынет лава, и не удержать ее, не остановить: «За власть Советов!» и «Ура!» Земля дрожит, встреться попробуй, сшибись с этой вот стихией. Сердце замирает...

Потом они еще долго говорят о Буденном. О Ворошилове. О Первой Конной. О Фрунзе, которого Янышева знала еще по империалистической войне, когда привозили в окопы листовки Московского партийного комитета. Говорят о том давнем, но незабываемом, прекрасном времени...

— Леонид Максимович, а помните, как вы еще перед Перекопом ко мне пришли?

— Ну как же, Александра Александровна. Тогда работал я в нашей дивизионной газете, как сейчас скажут, литрабом. И был у меня редактор...

— Фамилию-то помните? — Александра Александровна чуть лукаво улыбнулась.

— Помню, конечно. Но оставим его инкогнито. Так вот, предложил я редактору перед штурмом Перекопа газету выпустить со стихотворными аншлагами. Он идею эту одобрил. Я целую ночь не спал, сочинял стихи. Все хотелось как-то поточнее, подоходчивее написать. Всего, что тогда сочинил, конечно, не помню.— Леонов говорит быстро, часто повторяя некоторые слова и небольшие фразы, словно бы проверяя их, точны ли они, хорошо ли ложатся в разговор.— Да, осталось в памяти вот такое:

Генералов песня спета,
Бьем барона прямо в лоб,
Знамя Красное Советов
Понесем за Перекоп...

Написал, сдал редактору, но он вместо моих стихов свою прозу опубликовал. Проза звучала так: «Красноармеец! Врангель хочет посмотреть силу твоего оружия. Покажи его». Вот тогда я и пришел к вам, Александра Александровна. И сказал, что работать вместе с редактором я не смогу. А вы спрашиваете: «Это почему же?» А я отвечаю: «А у нас с ним **разные школы»**.

— Это точно, так и было. Я все ясно это сейчас помню,— рассмеялась Янышева.— Но решение-то тогда, Леонид Максимович, я приняла, по-моему, правильное. В решении я не ошиблась. С тех пор редактором нашего «Красноармейца» работали вы.

Бежит торопливо время. Стали синими, а потом потемнели окна, зажглись фонари на улице Горького, зажглись высокие февральские звезды в небе, а беседе все еще не было видно конца. Одно воспоминание рождало другое, один собеседник зажигал другого. Час, второй, третий прошел, а они совсем и не утомились, эти убеленные сединами, по-юношески увлеченные и очень молодые люди.

Леонид Максимович выходил из кабинета, походка у него стремительная, легкая. Приносил и показывал снимки — когда-то он очень увлекался фотографией, и надо ради справедливости сказать, что эти фотографические снимки, хранящие дорогие сердцу писателя образы, события, пейзажи, исполнены с блестящим профессионализмом. Я говорю Леонову, что, дескать, хорошо бы их напечатать в «Огоньке», но он машет рукой:

— Нет-нет.

— Но, может быть, потом, Леонид Максимович, ну, как-нибудь потом?..

— Нет-нет, это я раньше хотел стать художником. Теперь уже поздно переквалифицироваться, чего поделаешь — писатель.— И он разводит руками.

— Леонид Максимович, а может быть...— Я не без умысла смотрю на рабочий стол писателя.— Ведь все, что вы рассказывали сегодня, о чем говорили, что вспоминали...

— Хорошо, хорошо,— перебивает меня Леонов.— Со временем.

Как-то по-доброму, по-леоновски, но все-таки, мне кажется, обещающе уводит меня от этой темы писатель.

Рабочий стол Леонова не пустует. Книги, записи, странички, исписанные стремительным, как и его походка, почерком, папки рукописей... Что в них? Гражданская ли война? Мирное ли время? Глубокие ли философские раздумья о времени и о себе? Леоновское ли слово о Великой Отечественной и о ее финале там, в Нюрнберге, о котором так пронзительно точно, с великим накалом гнева и святой ненависти писал Леонид Максимович в газете «Правда» в тот незабываемый год... Что бы то ни было в этих папках, в них есть главное — **леоновский мир,** мир романиста, писателя-патриота, неразрывными узами связанного с землей, с историей, с народом, с Россией.

Встреча в феврале — это всего-навсего одна из очень многих, которые постоянны в трудовых буднях Леонида Максимовича Леонова.

УЛЬЯНОВЦЫ

Илья Николаевич Ульянов (в центре) на открытии Порецкой семинарии.

Рисунок заслуженного художника РСФСР Б. И. Лебедева.

В селе Порецком, Чувашской АССР, было торжественно отмечено столетие учительской семинарии, открытой в 1872 году отцом В. И. Ленина Ильей Николаевичем Ульяновым.

Илья Николаевич Ульянов приехал в Симбирск в 1869 году. Будучи инспектором, а затем директором народных училищ губернии, он многое сделал для подготовки квалифицированных учителей народных школ.

Благодаря заботам Ильи Николаевича педагогические курсы, открывшиеся в Симбирске, за четыре года подготовили несколько десятков хороших учителей. Среди них были В. Калашников, впоследствии помогавший Анне, Александру, Владимиру Ульяновым готовиться к поступлению в гимназию, А. Кабанов, чья подпись стоит в аттестате зрелости Владимира Ильича.

Однако возможности курсов были ограничены. Преподавателей для народных школ губернии стала готовить учительская семинария в селе Порецком. Илья Николаевич с немалым трудом выхлопотал просторное здание под семинарию, добился учреждения стипендий для учащихся, тщательно подбирал преподавателей, участвовал в составлении программ. По его инициативе директором семинарии назначили В. Ауновского — соученика и страстного поклонника Н. Добролюбова.

Учащиеся Порецкой семинарии воспитывались в духе беззаветного служения народу и нередко привлекались к ответственности за революционную пропаганду среди крестьян и солдат. Местный предводитель дворянства А. Пазухин утверждал, что из семинарии выходят «нигилисты, атеисты и вообще неблагонадежные в политическом отношении лица», которых не следует пускать даже «на порог школы».

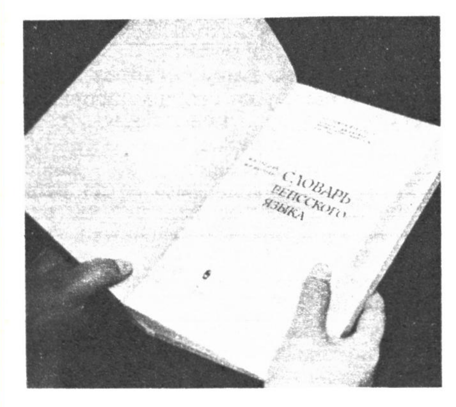
Недовольство властей предержащих деятельностью выпускников семинарии переносилось и на ее «шефа», на внедряемые им методы обучения и воспитания. Перечисляя факты «дознанной политической неблагонадежности» питомцев семинарии, начальство указывало И. Н. Ульянову на нежелательность «предпочтительного назначения семинаристов на учительские должности...». Кроме того, начальству стало известно, что Ульянов информирует «вольнодумцев» о касающихся их секретных предписаниях политического характера.

Постоянное недовольство вызывала к тому же высокая и разносторонняя подготовка народных учителей. Власти считали, что детям крестьян нужно знать лишь «слово божие», уметь читать пославянски и по-русски и считать на счетах.

Порецкой семинарии грозило закрытие. Однако Илья Николаевич с истинно гражданским мужеством выступил в ее защиту. Его поддержали педагогическая общественность и некоторые земские деятели. Илье Николаевичу удалось отстоять свое детище. Семинария продолжала пополнять ряды тружеников народного образования, которых тогда по праву именовали «ульяновцами».

Ж. ТРОФИМОВ,
кандидат исторических наук

Спасенный язык

Ничто не вечно под луной... Но есть мертвые языки, и по сей день известные всем, например, латинский. А что мы знаем о вепском? Еще совсем немного времени, и он исчез бы бесследно, потому что не имеет даже письменности.

Как же появилась эта спасительная частица «бы»?

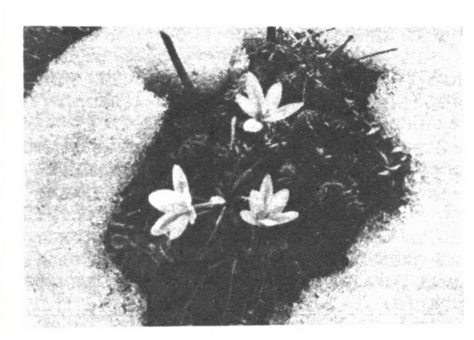
Современные вепсы — их всего несколько тысяч — живут на землях своих предков, которые на заре нашей эры откололись от западнофинских племен и обосновались в лесах по берегам Свири, Ояти, Капши, Сяси, между холодными северными озерами — Ладожским, Онежским, Белым.

Сегодня вепса не отличишь от русского ни по материальной культуре, ни по родному языку.

Тем более надо было спешить собрать словарное богатство вепского языка, не дать ему кануть в вечность! Этим занялись ученые Академии наук СССР. И вот многолетний труд, включивший в себя и неустанные исследования и поездки по лесным селениям, закончен. Перед нами выпущенный в Ленинграде издательством «Наука» первый диалектный толковый словарь вепского языка, составленный М. Зайцевой и М. Муллонен. В толстой книге, как в ларце,— весь вепский язык. Он спасен, сохранен для самих вепсов, для ученых, исследующих финно-угорские языки, и останется жить как неповторимый памятник древней культуры человечества.

О. КАРЫШЕВ

Цветок на снегу

Чуть-чуть теплее пригрело солнце да кое-где сошел снег, и тут же в Таджикистане на редких проталинках южных склонов гор распустились первые весенние цветы. Буквально из-под снега вытянули свои золотистые головки крокусы. Кажется, будто завязь всю суровую зиму чутко дремала у самой поверхности земли, нетерпеливо дожидаясь своего часа. Растение так спешило на волю, на простор, что на поверхность вырвался только один цветок на длинной ножке, сумевший пробиться сквозь твердь земли своим острым наконечником.

Узкие нежные листья отстали, они появятся позже, когда цветок широко раскинет свои лепестки.

Очень красиво выглядят крокусы в окружении потемневшего, ноздреватого снега. Их нежный, едва уловимый аромат кажется запахом самой весны, робким, свежим, долгожданным. Это самые первые, а потому и самые милые сердцу вестники чудесного времени года, недаром народ с давних пор окрестил их подснежниками.

Е. МЕЛИХОВА
Фото Н. Софьина.

СТУ

Анри АЛЛЕГ,
обозреватель газеты «Юманите»

Мелкий, моросящий дождик окутывал серой мглой Латинский квартал — квартал студенчества. От площади Сент-Женевьев до набережной Сены, от собора Нотр-Дам до церкви Сен-Жермен-де-Пре, от седых камней Сорбонны до новых зданий из бетона и стекла на площади Жюсье, где размещается факультет естественных наук, от голых стволов Люксембургского сада до верениц автомашин, покрытых мириадами капель,— все приобрело аспидно-серую окраску, нежно-печальный цвет Парижа в феврале.

«Подходящее время для репортажа об университете и студентах Парижа»,— иронически говорит мне Пьер Д., руководитель кружка студентов-коммунистов на факультете естественных наук, который помогает мне собрать материал для «Огонька». Это не просто шутка, ибо угрюмая февральская погода в какой-то мере символизирует положение французского университета.

В высших учебных заведениях Франции — в Париже и провинции — учится около 700 тысяч юношей и девушек, половина из них — в столице. Некоторые реакционные круги уже много лет ведут кампанию против «слишком большого числа студентов», как они выражаются.

В действительности, если сравнить число студентов во Франции и в СССР с учетом соответствующей численности населения, то окажется, что во Франции в процентном отношении оно меньше примерно на одну треть. Здесь не хватает специалистов в различных областях техники, врачей (Франция находится на 19-м месте в мире по числу врачей на одну тысячу жителей). Экономисты подсчитали, что к концу 1972 года в стране было три тысячи вычислительных машин и для их использования необходимо было семь тысяч программистов и 35 тысяч операторов. Между тем университет выпускает всего несколько сот таких специалистов. Вообще потребность в технических специалистах высокой квалификации удовлетворяется лишь на 78 процентов, а в инженерных и других кадрах — на 80 процентов. Потребность в научных работниках, имеющих ученую степень, удовлетворяется лишь на 72 процента. Тем не менее наблюдается тенденция ограничить число студентов. Так, количество записавшихся на те-

ДЕНТЫ ПАРИЖА

кущий учебный год в высшие учебные заведения Руана и Нанси сократилось на 40 процентов. Уменьшилось оно в Гренобле и Страсбурге.

Однако, несмотря на нехватку кадров в различных отраслях, в прошлом году две тысячи выпускников высших учебных заведений не имели работы, а пять тысяч выпускников, работавших в качестве младших преподавателей, были уволены. Не надо быть большим специалистом по экономике, чтобы понять, что такая неразбериха с кадрами и анархия являются порождением капиталистической системы, неспособной обеспечить подлинное планирование и правильную ориентацию высшей школы. Как не понять в таких условиях глубокую тревогу, которую испытывают студенты, задумываясь о своем будущем. Стоит ли учиться до 25 лет, чтобы затем снова оказаться без работы, причем как раз тогда, когда развитие страны требует использования всей энергии и всех способностей? Как можно не восстать против такой нелепости?

Пьер Д. ведет меня на факультет естественных наук Сорбонны. Я беседую со студентом Люсьеном Ф. Он говорит мне:

«Я занимаюсь математикой и имею счастье получать стипендию. Да, действительно счастье, потому что стипендию получает лишь один студент из семи! Но как прожить на 350 франков в месяц? Это максимальная стипендия, я знаю ребят, которые получают в три раза меньше. Надо по крайней мере 700 франков, чтобы свести концы с концами. Как попасть в студенческие общежития, когда на 80 тысяч мест имеется 250 тысяч желающих? А самая крошечная комнатенка в городе стоит не меньше 250 франков в месяц! Вот и приходится подрабатывать — в таком положении находится каждый второй студент. А во время каникул они продолжают работать изо всех сил, чтобы «накопить» денег и продержаться до конца учебного года».

В разговор вступает Пьер Д.:

«Когда приходится работать, то тут уж вкалываешь по-настоящему. Хозяин хочет, чтобы ты работал в полную силу. Не так-то легко всю ночь таскать тюки в типографии, заливать в машины бензин в гараже или мыть посуду в ресторане или кафе. Попробуйте после целой ночи работы внимательно слушать лекцию или заниматься после того, как проработаешь целый день! Не удивительно, что 90 процентов студентов, которые вынуждены подрабатывать, проваливаются на экзаменах».

На митинге студентов, входящих в Национальный союз студентов Франции. Студенты выкрикивают лозунг: «Да здравствует совместная программа левых сил!» **Фото автора.**

Две трети студентов бросают учебу в университете, не получив диплома. Они попадают на рынок рабочей силы без профессии, без будущего, без перспектив. Как же может студенчество не желать хоть каких-то перемен?

«Я — с другого факультета,— говорит только что вошедшая студентка, присоединяясь к нашей беседе.— Я изучаю медицину и работаю в больнице Ларибуазьер. В районе нашей больницы живет много иностранных рабочих, особенно из Северной Африки, приехавших во Францию на заработки. Они часто болеют. Эти рабочие занимают 40—50 процентов коек, лежат еще на соломенных тюфяках, которые втискивают, где удастся, в том числе в коридорах, настолько велика нехватка мест. Не хватает обслуживающего персонала, лекарств, причем речь идет не о дорогих лекарствах, просто нет денег, чтобы лечить трудящихся, которые заболели на предприятиях, где им дают самую грязную работу, или в трущобах, где они вынуждены ютиться. Проведя целый день в подобной обстановке, начинаешь возмущаться, когда слышишь, как говорят, что-де расходуется слишком много лекарств или что негде взять средства для лечения больных в капиталистическом обществе, где извлекают миллиардные прибыли».

Именно эти проблемы их будущего и будущего того общества, в котором они живут, порождают в умах студентов глубокое и постоянное возмущение, возмущение, которое порой направляется по неправильному руслу и ведет к левацким заскокам. На стенах факультетских зданий можно увидеть много крикливых, экстремистских лозунгов, «революционных» только внешне, но, по существу, не дающих практической пользы и не ведущих к подлинным действиям. Нет также недостатка в провокаторах, которые в конечном счете служат эксплуататорам и режиму, поскольку они дают повод для репрессий против студентов и сеют раздоры в студенческой среде. Но мелкие левацкие группки уже выдохлись, и те самые студенты, которые в свое время были обмануты ими, теперь утратили к ним интерес.

Сегодня единственной крупной демократической организацией, объединяющей большинство студентов, является Национальный союз студентов Франции, чьи кандидаты на университетских выборах получили в начале учебного года почти 100 тысяч голосов — вдвое больше, чем в предыдущем году.

...Дождь все еще моросил, когда я вышел из обширного двора факультета естественных наук и направился к метро. Под дождем у ворот студент в тонком непромокаемом плаще, поеживаясь от холода, распространял листовки. Он насвистывал песенку, которую, мне казалось, я уже давно забыл. Ее слова неожиданно всплыли у меня в памяти:

Мы молоды и сил полны,
Возьмем мы штурмом небеса,
Вперед же, юность — Франции сыны,
И да взойдет счастливая заря!

Перевела с французского Н. ЗИНОВЬЕВА.

ПОСТУПЬ ГИГАНТА

**Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты
«Огонька»**

1970 год – 21 700 «Жигулей»

1971 год – 172 000 «Жигулей»

1972 год – 323 000 «Жигулей»

1973 год – будет полмиллиона

Великолепный разгон с места, от нуля до наивысших скоростей развил всего за три года Волжский автомобильный! Столь стремительн о м у его старту могут позавидовать ведущие фирмы мира. В приветствии ЦК КПСС и Совета Министров СССР участникам строительства завода и автомобилестроителям подчеркивается, что «создание в рекордно короткие сроки крупнейшего промышленного комплекса и нового жилого района на 150 тысяч жителей является еще одним ярким подтверждением нашей огромной мощи, преимуществ социалистического строя...».

Даже руководители крупнейших капиталистических фирм, в разное время посещавшие стройплощадку ВАЗа, вынуждены были признать, что концентрация в едином промышленном комплексе таких огромных людских и материальных ресурсов возможна лишь в условиях социалистического общества. Вот строки из миланской газеты «Эпока»: «Следует признать откровенно, что в Тольятти русские и итальянцы (инженерно-технический персонал компании «ФИАТ») совершили подлинное чудо...»

Коммунисты в чудеса и сверхъестественную силу не верят. Именно поэтому так огромен поток желающих взять на вооружение опыт Волжского автомобильного завода. Сюда едут небольшими группами и делегациями в сотни человек. Представители родственных и весьма отдаленных отраслей промышленности — все, кому дороги, кого волнуют судьбы научно-технического прогресса.

Как задумывалось генеральным проектировщиком ВАЗа—московским институтом «Гипроавтопром», так и осуществлено. Специалистам сорока советских проектных организаций в сотрудничестве с итальянской фирмой «ФИАТ» удалось в ВАЗе воплотить все лучшие, все наиболее удачные решения технологии автомобилестроения за последние десять лет.

Лаконизмом и строгостью отличается архитектурный ансамбль завода. Прямолинейны и очень широки проспекты, на них мудрено заблудиться. Они так велики, что от корпуса к корпусу курсирует автобус. Густо насыщены техникой цеха. Бесконечно движение конвейеров; общая длина их — 150 километров. Артериями связывают они в единое целое, в один организм все участки производства. Натренирована и вынослива мускулатура завода — автоматические и полуавтоматические линии.

В корпусе дворцовой белизны— тут светлые стены, стеклянно-прозрачные створки дверей, цветы на клумбе в вестибюле, хотя он и называется чугунолитейным,— можно посмотреть, как делается коленчатый вал. На ВАЗе принципиально отличная от других заводов технология и иная, в современном понятии, красота технологии: вал отливается на полуавтоматической линии. Производительность ее — 540 штук в час.

Сегодня в сутки линия должна сделать не менее полутора тысяч валов — по графику на каждую машину. Прессы должны отштамповывать не менее 1 500 крыш. Цех моторов — собирать и испытывать не менее 1 500 двигателей. В автомобиле нет деталей более важных или менее важных. Достаточно не сделать хотя бы одной из десяти тысяч — и автомобиля не будет. Все звенья огромного завода должны работать синхронно, в одном четком ритме.

Через каждые час-полтора останавливается на пять минут главный конвейер сборки. Сварка кузовов тоже прекращается на пять минут. Люди отдыхают. Ровно в 11.30 начинается обед. За обеденные столы садятся одновременно 30 тысяч человек — весь завод, во всех корпусах огромные столовые. Все приготовлено заранее, сутолоки и очередей здесь не бывает. Можно пообедать за несколько минут. В остальное время можно послушать лекцию или концерт — сюда часто приезжают артисты; сыграть партию в шахматы, почитать газету, посмотреть кино, просто погулять на воздухе. А потом снова темп! С каждым днем он нарастает. В январе норма была 1 450 машин в сутки; в феврале — 1 500, в марте станет 1 550. И так до тех пор, пока не будет достигнут проектный уровень производства автомобилей — 2 200 машин в сутки! Вся жизнь завода подчинена непрерывно убыстряющемуся ритму.

Как же себя чувствует в этом царстве торжествующей техники Человек? Человек в синем комбинезоне или в синей куртке с ладьей — эмблемой завода, Человек, который начал осваивать производственные мощности еще в то время, когда их физически в приволжской степи не существовало? Это он стажировался на заводах в Москве, Горьком и Турине. Это он вместе с каменщиками возводил жилые дома и вместе с монтажниками устанавливал машины и автоматы. Это он на узкой полосе главного корпуса, огороженной высокими щитами, налаживал и пускал первую линию конвейера. А рядом, за щитами, строители заливали битумом сосновую «шашку», из которой собран тут своеобразный паркет, и было очень тогда далеко до цехового уюта — смрадно, дымно и холодно. Потом этот Человек, освоивший конвейер и подчинивший его ритму все производство, задал заводу технологически выверенный темп: через каждые двадцать две секунды быть машине!

Я иду взглянуть на сборку кузовов — одну из ответственнейших операций в процессе создания автомобиля. Три года назад на Горьковском автозаводе я видела, как

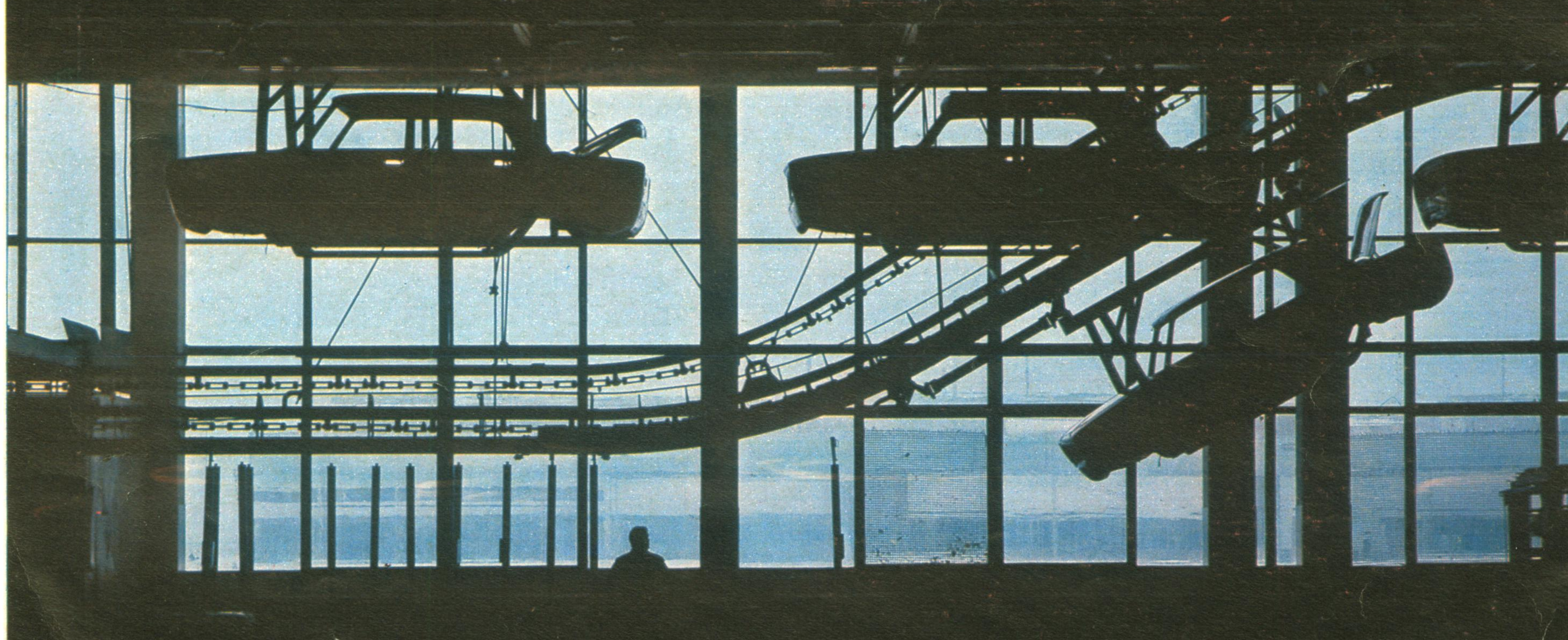
Вячеслав Пожарский, слесарь-сборщик главного конвейера.

Заводские силуэты.

На развороте вкладки:

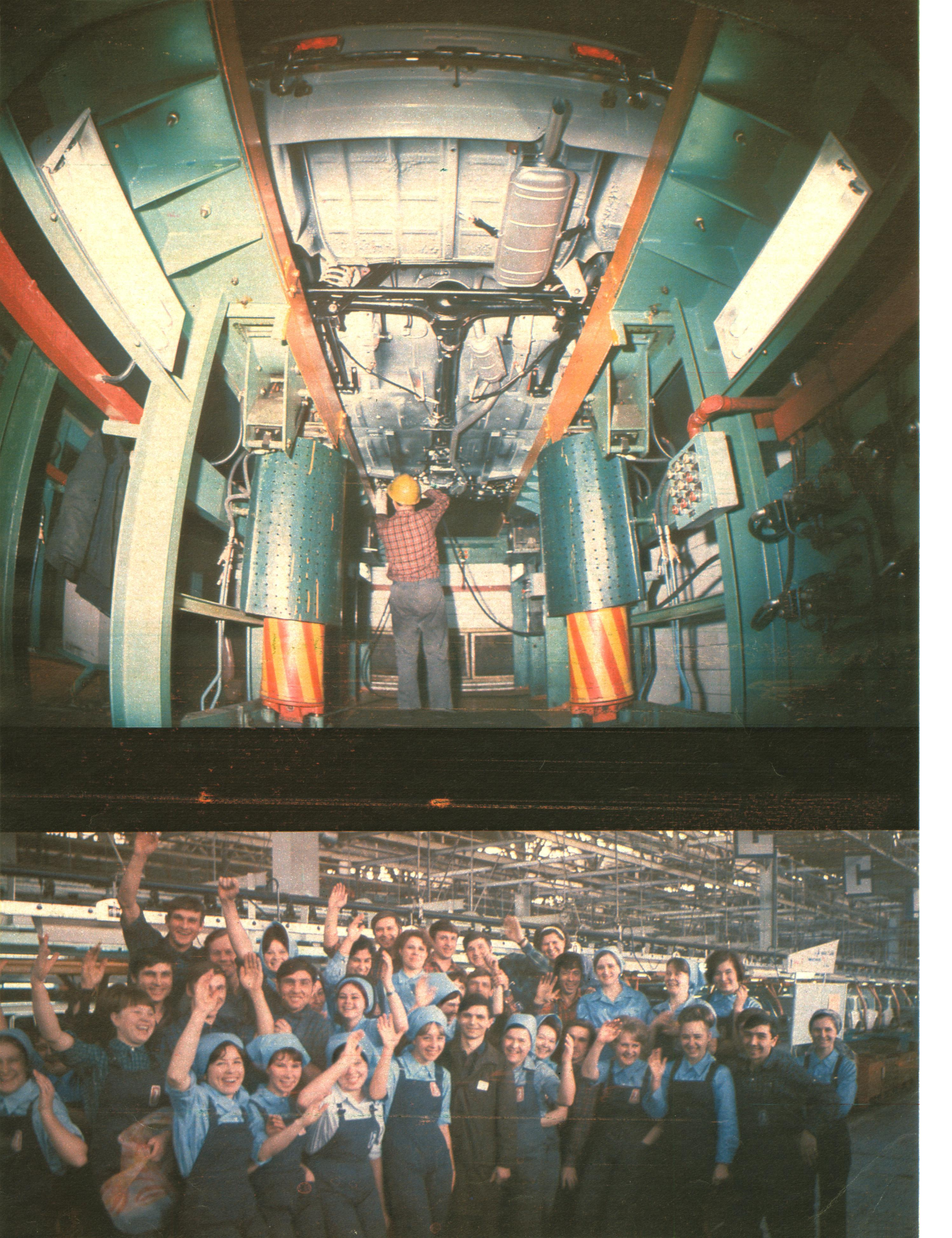
В три нитки...

Вот она, новая модель «Жигулей» — ВАЗ-2103! В ее рождении участвуют Любовь Смирнова и Татьяна Горбатенко.

ЛЕНИН С НАМИ
ЛЕТКИ :
320 000
10

сваривается кабина «ГАЗа». Удивительно согласованно, энергично работали сварочными пистолетами напарники на главном кондукторе сборки. А как тут?

...Конвейер сварки кузовов. Первая, вторая, третья линии... Весело перемигиваются, будто гирлянды праздничной иллюминации, разноцветные сигнальные лампочки на пультах. Старательные механизмы четко выполняют предусмотренные технологией операции. Россыпь золотых искр — и днище, крыша или боковина сварены. Но вот и главный кондуктор сборки... Пневматически опускаются передние и задние ворота главного кондуктора, и в то же мгновение — мощный гул, брызги искр. Готово! Точечные сварочные автоматы сделали свое дело.

На главном кондукторе стоят мужчины. Знакомимся. Воронов, Бородин. Оба Владимиры Ивановичи, и оба с ГАЗа, с кондукторов по сборке автомобилей «Волга».

— Как, — спрашиваю, — вам тут работается? Темп высокий...

— Темп нас не смущает, — говорит Воронов. — Тут много автоматов и механизированных линий. А если надо сваривать вручную, то аппараты у нас подвесные — легкие, удобные и надежные.

— Учтите и организацию труда, — дополняет Воронова Бородин. — Тут все конвейеры подают. Один — капоты, другой — крыши, третий — багажники. Работают согласованно, доставляют как раз то, что именно сейчас нужно. Конвейеры не только подают, но и забирают. Вот сварили мы коробку, подъемник опустится, подхватит ее, и она поплывет. Тут все рассчитано посекундно. Надо сварить ровно столько, сколько требуется по графику.

— А как с заработком?

— Нормально, — отвечает Воронов. — В месяц зарабатываю сто семьдесят — сто восемьдесят рублей.

— А я через месяц переаттестуюсь на пятый разряд, получать буду еще больше. Вот и Галина. — Бородин посмотрел на женщину, шедшую к нам. — Жена моя. Она на нашем участке работает. Галина полторы сотни получает. Наша зарплата зависит от того, как сработала бригада, другие участки, весь цех, другие цеха завода, — со знанием дела комментирует сварщик. — Мы зависим от прессовщиков, а от нас и от всех остальных производств зависят сборщики главного конвейера. Мы знаем свой план на целый год вперед. Разбит он по месяцам и дням. Стараемся его выполнить вовремя, чтобы не было штурмовщины. А заработок в бригаде гарантированный и стабильный.

Вот что тут самое главное: бригада! С нее, с бригады, начался разговор с заместителем Генерального директора ВАЗа по экономике и планированию, кандидатом экономических наук Петром Макаровичем Кацурой.

— Характер организации труда у нас коллективный, форма его — бригада. «Единоличников», индивидуальных сдельщиков у нас нет нигде. Я уж не говорю о механизированных, поточных линиях. Взять хотя бы такие участки, как ремонт, транспортное хозяйство, перегонка «Жигулей» от конвейера до экспедиции. Везде бригады. В одних — двадцать человек, в других — сто. Мы считаем бригаду наиболее приемлемой для производства такого типа, как наше, — высокоорганизованного, с непрерывным технологическим процессом. Такая форма вызвана качественно отличными его особенностями: взаимозависимостью людей в работе и солидарной ответственностью за количество и качество сделанного. Ритм и четкость — закон существования нашего завода, построенного по принципу сквозного потока.

— Не приводит ли это к обезличиванию труда?

— Предвидел подобный вопрос. Никакой обезлички у нас нет. Наша система учета труда обеспечивает развитие способностей каждого рабочего. Как это достигается? Давайте посмотрим, из чего слагается зарплата.

Петр Макарович Кацура достал чистый лист бумаги и стал писать:

1. Тарифная ставка.

— Всякому понятно, что она определяется уровнем квалификации рабочего, то есть разрядом. — Кацура перешел к следующему пункту.

2. Доплата за профессиональное мастерство.

— А разве разряд не определяет профессионального мастерства? — прервала я.

— Не совсем так. Тут учитываются разные нюансы. Поясню. Допустим, на главном конвейере стоят две девушки. Одна еле-еле тянет на третий разряд, а другая разбирается и в механических узлах, ее интересуют многие смежные операции. Словом, она готова работать по более высокому разряду. Но по штатной расстановке единицы свободной нет. Как тут быть? Как сделать, чтоб не было обидно рабочему? При разработке условий оплаты труда была предусмотрена возможность доплатить межразрядную разницу — до двенадцати процентов от тарифной ставки. Разве это не стимулирует профессиональный рост, не развивает способности человека и дух здорового соревнования? Кстати, на конвейерах это имеет и другое значение — избавляет от некоторой неизбежной монотонности труда. Если человек знает несколько операций, то он может в течение рабочего дня переходить с одной на другую, ему создаются для этого все условия. Например, когда останавливаются конвейеры, рабочие легко меняются местами. Но это еще не все.

Кацура написал цифру «3».

3. Доплата за выполнение рабочим нормированного задания.

— А зачем тут доплачивать? — спросила я. — Ведь норма — это же закон, минимум того, что обязан сделать человек.

— У нас это рассматривается иначе: не минимум, а максимум. За норму взято задание, соответствующее достижению проектной мощности. Это достаточно высокое задание. Введена доплата в сниженных размерах даже при девяности процентах выполнения задания. Перевыполнения нам не надо. Оно внесло бы дисгармонию в ритм производства.

— Хорошо, — согласилась я. — А если мы возьмем станочника? Вдруг он станет Иваном Гудовым и придумает приспособление, которое позволит сменное задание выполнить за час? Тогда как?

— Мы ему скажем «спасибо», премируем, но больше, чем он сделал за час, производству не надо. Технология будет изменена, и станок получит дополнительную загрузку. Перейдем к еще одной, очень важной слагаемой заработка.

4. Премия за достижение проектной трудоемкости и производительности труда.

И Кацура чертит на листе график.

— Когда мы только запустили «Жигули», трудоемкость первой модели «2101» была триста часов. Сейчас — шестьдесят два и пять десятых часа. За счет чего снизилась трудоемкость? За счет роста производительности труда. Посмотрите, кривая трудоемкости резко упала вниз, другая, производительности труда, поползла вверх. Одновременно с освоением проектных мощностей мы вышли на проектную производительность труда. Обычно между ними образуется разрыв и, растягиваясь на долгие годы, вызывает перерасход средств. Как же увязывается трудоемкость с производительностью труда в бригаде? Очень просто: чем больше в бригаде людей, тем производительность труда каждого человека ниже. То есть сами члены бригады заинтересованы в том, чтобы не было лишних рабочих рук. Однако без дела не остается никто — заводские мощности-то нарастают!

— Я еще не упомянул о доплате за условия труда и премии за качество. Так где же уравниловка? Наоборот, строжайшая дифференциация.

На следующий день на заводе выдавали зарплату. В цех 45/2 пришли кассиры с тоненькими, проштампованными электронными бухгалтерами на вычислительном центре расчетными листами. Я как раз была на главном конвейере сборки. К столику подошла Валя Бондаренко, молоденькая работница в комбинезоне. Она получила деньги и стала изучать листок. И я в него заглянула с разрешения Вали. Разговорились. В январе она заработала 148 рублей 94 копейки. По тарифу — 81.17 плюс доплаты и премии. За выполнение норм — 26.70, за снижение трудоемкости — 16.23, за качество — 16.23... Довольна ли она заработком? Конечно, довольна. Ей всего двадцать лет — типичный возраст для рабочих конвейера, так же, как типичен и уровень ее образования — среднее. Приехала с мужем три месяца назад из Сочи. И он тут работает. В этой же бригаде, слесарем. Василий собирается летом поступать на вечернее отделение политехнического института, а у Вали пока другая задача: повысить свой разряд. Сейчас она ставит в салоне автомобиля прикуриватель и клавишный переключатель отопителя. А хочет научиться ставить выключатели света и щиток с приборами. Нравится ли ей работа? Очень!

Расчетным листом другого рабочего, слесаря Вячеслава Пожарского, можно было бы иллюстрировать лекцию, прочитанную мне заместителем Генерального директора завода. Тут налицо все виды доплат и премий, какие только существуют на ВАЗе. В общей сложности на 104 рубля. Немало!

— Есть ли удержания? — интересуюсь я.

— Есть, самые обыкновенные: подоходный налог, аванс за первую половину января, — скрупулезно перечисляет Пожарский. — Еще 9 рублей 20 копеек за обеды. Видите, как нам дешево стоит обед — всего сорок копеек. Остальную стоимость, до пятидесяти пяти копеек, доплачивает завод из своих фондов.

Волжским автомобильным заводом он искренне гордится:

— Великолепный конвейер! Очень хорошо организовано рабочее место. Инструмент, комплектующие — все под рукой. У каждого рабочего есть перспектива. Вот Бондаренко, Валин муж. Освоит все операции, станет универсалом, в дефектчики, как я, может идти, потом бригадиром, наладчиком, контролером... Путевку в жизнь дает бригада. Что же касается системы оплаты труда, то я считаю, что она умная, заботится о рабочем.

Итак, вазовская система проходит испытание временем. Она принята и высоко оценена рабочим человеком. Можно назвать и ее основных «авторов». Это небольшая группа советских инженеров-энтузиастов, приступивших к поискам еще на заре проектирования завода: П. М. Кацура, В. Н. Поляков, Генеральный директор ВАЗа, А. К. Осипов, начальник управления труда и зарплаты. Большую помощь в разработке этой системы оказал Государственный Комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, заместитель председателя Комитета Б. М. Сухаревский, начальник сводно-экономического отдела Комитета С. И. Шкурко... 30 июня 1970 года Комитет, секретариат ВЦСПС и коллегия Министерства автомобильной промышленности СССР приняли по этой системе специальное постановление. Сегодня по-вазовски работают крупные швейные фабрики в Тирасполе и Калинине, высокомеханизированные животноводческие комплексы в Кузнецовске, Воронове (Московская область) и Ильиногорске (Горьковская область). С 1 апреля на эту систему переходит завод нормалей в Белебее — филиал ВАЗа. Взялись внедрять ее машиностроительные и приборостроительные заводы, изучают систему камазовцы.

Специалисты отмечают, что новаторский опыт Волжского автомобильного завода особенно эффективен для строящихся предприятий — он позволяет не только быстро осваивать мощности, но и решает проблему закрепления кадров.

Вазовскую систему еще будут исследовать экономисты, социологи и психологи. А пока в Тольятти продолжается паломничество.

Последняя операция сборки — регулировка схождения передних колес.

Бригада № 4 — лучшая на 2-й линии конвейера.

В заводской гостинице «Волга» по вечерам среди гостей разгораются бурные дискуссии. Единомышленников становится все больше, потому что, как метко сказал представитель одного харьковского предприятия, «ВАЗ — букварь современного высокомеханизированного и автоматизированного производства».

А с Петром Макаровичем Кацурой мне пришлось встретиться еще раз, и вот по какому поводу. Вазовцы стали пионерами и в создании необычной структуры управления заводом. Предприятию с таким колоссальным объемом массового производства надо было и тут прорубать свою просеку.

— Виктор Николаевич Поляков у нас не просто директор, а Генеральный директор завода, и ему подчиняются не начальники цехов и отделов, а директора пяти производств, заводов-филиалов и начальники управлений,— говорил мне Кацура.—И это логично. Каждое производство, по существу, самостоятельный завод. На первый взгляд получается, будто бы усложнилась система управления, возникли дополнительные надстройки. На самом же деле число инженерно-технических работников и служащих у нас меньше, чем на других предприятиях. Однако дело тут не только в процентах, совершенно иначе сформировано главное производственное подразделение — цех. Схема его упрощена: начальник, два его зама по сменам. По существу, это начальники смен, начальники участков и мастера. Вот и все! Нет даже старших мастеров. Все «конторы» цехов—диспетчеров и контролеров, технологов и конструкторов, бухгалтеров и нормировщиков — заменили хорошо оснащенные, компактные службы, они подчиняются директорам производств и оперативно работают на те же цеха. Такая централизация сил по функциональному признаку оказалась в самый трудный момент становления завода весьма результативной: позволила мобильно управлять объединением. И в то же время развязала руки начальникам цехов.

— Я впервые получил возможность сосредоточить свое внимание не на текучке, а на перспективе,— рассказывал мне Анатолий Сергеевич Савченко, начальник цеха шасси № 1.— Самое страшное, когда руководителя заедает текучка и мешает ему смотреть вперед. Мы сейчас уже думаем об освоении на проектную мощность третьей очереди, о людях, которых дополнительно придется набирать для этого. Наконец, я смог непосредственно заняться вопросами качества.

Качество! Такова вторая победа, одержанная коллективом ВАЗа, если считать выход на проектные отметки в крайне короткие сроки первой его победой. Пожалуй, ни один из молодых заводов нашей страны не проявил такой настойчивости и целеустремленности в борьбе за качество, как ВАЗ, когда казалось, что где уж там думать о качестве, в пору лишь запустить конвейер... Борьба эта началась в первые же дни, в первые месяцы существования завода и не прекращается ни на один час, она запрограммирована тут на таких же началах, как и график выпуска машин. Каждый работник завода, так уж сумели придумать вазовцы, заинтересован равно как в выполнении плана, так и в обеспечении качества изделия. На заводе утвержден свой аттестат качества. Первым узлом, удостоенным этого аттестата, стала коробка перемены передач, которая делается в том же самом цехе шасси № 1.

Вначале с коробкой было далеко не все благополучно. Обнаруживалось в ней довольно много дефектов тонкого, музыкального свойства: их определяют на слух, по звуку. Если слышится стук и этакое бренчание, то, значит, на каком-нибудь зубе какой-то шестеренки неровность, забоина, и шестеренка скоро выйдет из строя. Шумы определить еще труднее. Для этого есть специальные приборы.

— Дефектных коробок получалось у нас больше, чем на заводе фирмы «ФИАТ»,— рассказывал мне Савченко.— Разумеется, мы не могли с этим примириться. Особенно переживала комсомольско-молодежная бригада мастера Коноплева, работающая по устранению этих дефектов. Ребята ходили на другие участки, на которых нарезаются, шевингуются, шлифуются шестеренки, показывали, что нужно делать, чтоб не было брака, добивались, чтоб более точно было установлено оборудование и улучшена наладка. Помогло и материальное поощрение. Премия за качество достигает пятой части тарифной ставки рабочего. Это очень высокая приплата. В итоге мы битву выиграли: выход негодных коробок снизился до полутора процентов. У фирмы «ФИАТ» он в четыре с лишним раза выше.

Сегодня на ВАЗе присвоен аттестат качества сотням узлов первой модели автомобиля «2101». Идешь вдоль пролетов и видишь, как мелькают, подобно зеленым светофорам на заводских перекрестках, таблички со знакомым пятиугольником и такой примерно надписью: «Здесь работает бригада № 331, удостоенная заводского аттестата качества». И тут же фамилии мастера, профорга и групкомсорга.

Тысячи людей полны решимости бороться за честь самой молодой в стране автомобильной марки «Жигули». Надо было видеть, с каким восторгом в декабре прошлого года рабочие сняли с конвейера первый пятисоттысячный автомобиль и, не дав ему коснуться земли, понесли, как человека, на руках... Свое детище, творение рук своих!.. Этот полумиллионный будет стоять со временем в заводском музее рядом с самой первой машиной, любовно собранной вазовцами в апреле 1970 года к 100-летию со дня рождения Ильича, рядом с миллионной машиной, которая уже не за горами — появится на свет в декабре этого года.

Вот они, зримые шаги автогиганта: к первому полумиллиону он шел два с половиной года, ко второму полумиллиону придет всего за год. В дальнейшем время для каждого нового полумиллиона машин спрессуется до девяти месяцев. Будет ли это пределом ВАЗа? В перспективном плане завода, говорил в одном из своих выступлений его Генеральный директор В. Н. Поляков, заложены большие потенциальные возможности — развитие мощностей еще на одну треть.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Ольга КОРБУТ,
чемпионка XX Олимпийских игр

Фото А. БОЧИНИНА.

В кругу друзей по спортивной школе.

ДОЛЖАЕМ...

Много или мало дней прошло после Олимпийских игр! Я часто задаю себе этот вопрос. Иногда мне кажется, что все произошло только вчера. А иногда — давным-давно и даже будто не со мной. В самом деле, неужели это я чуть не стала абсолютной чемпионкой! Неужели это я сорвалась с брусьев! Неужели это я нашла в себе силы после такой неудачи бороться за золотые медали на отдельных снарядах!..

И вот снова передо мной брусья, и я пытаюсь выполнить на них комбинацию еще более сложную, чем в Мюнхене. Пытаюсь... Только пытаюсь... Ренальд Иванович Кныш, мой тренер, говорит: «Нам некуда деваться. Раз начали, надо продолжать». Конечно, он прав. Раз мы решили выступать на уровне «высшего пилотажа», то и должны продолжать. И пусть в Мюнхене мне не удалось выполнить приготовленной комбинации на разновысоких брусьях, все равно теперь мы стараемся еще больше усложнить эту комбинацию, вводим в нее новые, еще более сложные элементы, испытываем еще более сложный соскок. И мы стараемся сделать невозможное возможным не только на брусьях, но и в других упражнениях, даже в тех, которые принесли мне на Олимпиаде золотые медали,— в равновесии на бревне и в вольных упражнениях, —и, конечно, много работаем над опорным прыжком—это ведь самое слабое мое звено в четырехборье.

Мы не жалеем сил, стараемся не стеснять творческой фантазии, а что из этого получится, еще не знаем, может быть, и ничего. Но иначе неинтересно. Для меня спорт — это вечные поиски, неустанное открытие новых путей, яркий риск, и я рада, что у меня появляется все больше единомышленниц среди молодых гимнасток многих стран. Быстро растет мастерство гимнасток ГДР, а в ближайшее время, видимо, обратят на себя внимание гимнастки США, которые никогда раньше не блистали на помосте.

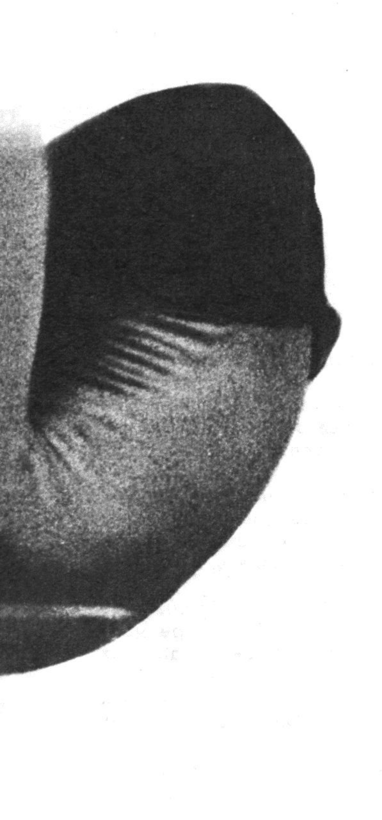
Нет, времени терять нельзя, а ведь оно мне нужно не только для гимнастики, но и для занятий в педагогическом институте. Недавно я сдала свою первую сессию — три экзамена: по истории КПСС, СССР и древнего мира. Студенческие каникулы использовала для выступлений на гимнастическом помосте, а затем вернулась в родной Гродно, где живут моя мама, отец и сестры. Между прочим, старшая сестра Люда — тоже гимнастка, кандидат в мастера спорта.

Стремительно катятся дни, и в сутолоке дел иногда мне кажется, что Олимпийские игры в Мюнхене — это одна из глав древней истории. Что было, то прошло. Надо двигаться дальше. Мы продолжаем поиск.

Начало тренировки.

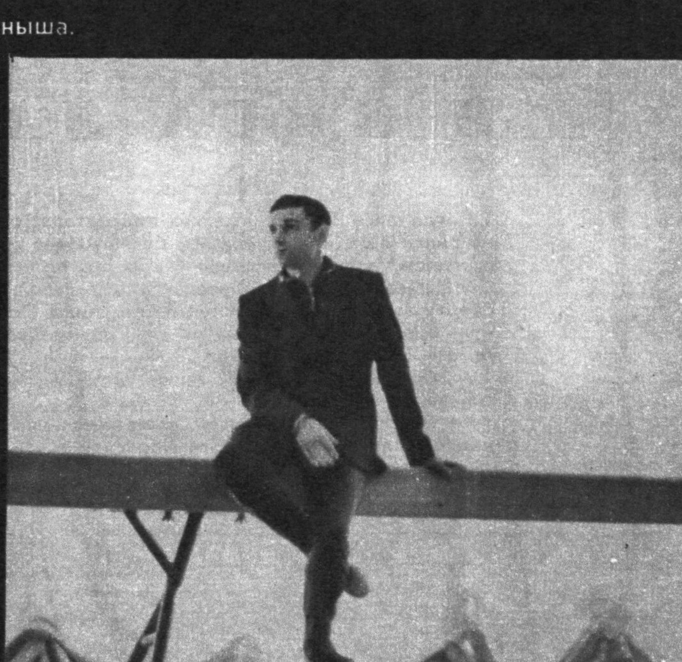
Трудный элемент.

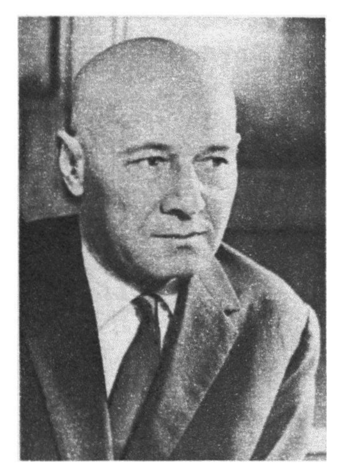

Новые ученицы Ренальда Ивановича Кныша.

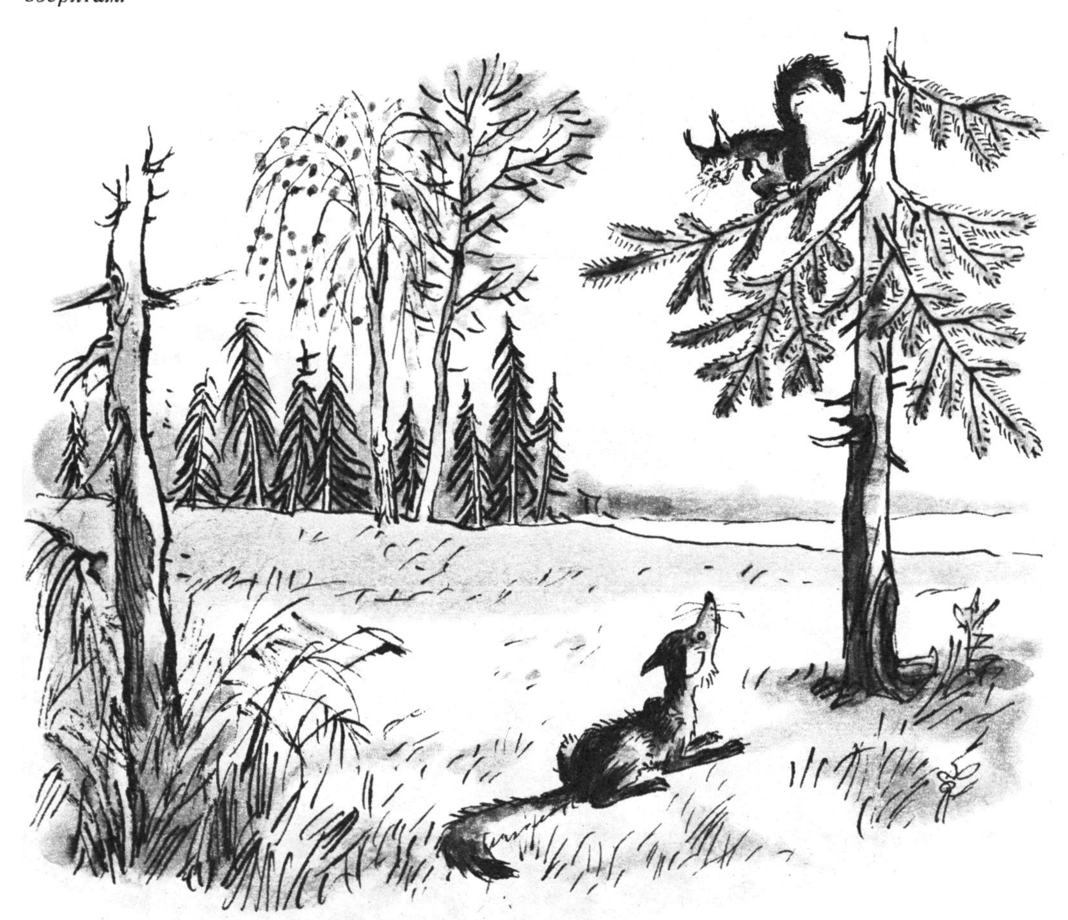

Николай ГРИБАЧЕВ

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Кто-то из крупных писателей сказал: если можешь написать для детей, то напиши. И верно: дети — это завтрашние хозяева мира, они достойны своей литературы, и она у нас, к счастью, есть — добрая, умная, обширная. Писал для детей немного и я, у меня вышли книжки стихов: «Лесная сказка», «Рыжий», «Комар-хвастун» и «Гусь-художник». Три из них, кстати, печатались в «Огоньке». В последнее время мне стало немножко обидно за наших красивых, умных и по большей части безобидных зверей — что-то слишком много в книжках для детей появилось обитателей Африки: добрых крокодилов, жирафов, бегемотов... А у нас в Подмосковье и лоси, и зайцы, и лисы, и олени, и много других зверей, а рассказано о них меньше. Вот и написал я книжку, причем в прозе, «А это мы!» — про белку Ленку, лису Лариску, ежа Кирюху и других. Как получилось, судить, конечно, не мне, но делал я это с искренней любовью и к нашим веселым и любознательным детям, и к нашей природе, и к нашим зверям и зверятам.

БЕЛКА ЛЕНКА И ЛИСА ЛАРИСКА

Когда лиса Лариска только подрастала, она не знала еще, кто в лесу как бегает. Идет она однажды, а с елки шишка — стук ее по лбу. Села лиса Лариска, почесала голову лапой, а сверху вторая шишка — стук ее по спине. Подняла она голову и видит — по елке белка Ленка бегает, смеется:

— Цок-цок, мой домик высок. Цок-цок, мой домик высок!

— Это ты, белка Ленка, в меня шишками кидаешься? — спросила лиса Лариска.

— Я.

— А зачем ты, белка Ленка, кидаешься?

— А так,— сказала белка.— Скучно мне.

— А я вот возьму тебя и съем.

— Не съешь.

— Нет, съем.

— Ну, попробуй.

Посмотрела лиса Лариска, подумала: «Ног у нее четыре, хвост как и у меня. На дерево она забралась — ну и что? Наверное, специально гимнастикой занимается. А ходит все равно по земле. Вот я подожду, пока она с елки слезет, и съем».

Легла лиса Лариска под елкой, хвост по траве разостлала, ждет.

Утро все ждет, день ждет — не слезает белка. «Ладно,— думает лиса Лариска,— есть захочешь, пить захочешь — слезешь. На елке воды нету!»

А белка Ленка немного посидела, на другую ветку перепрыгнула, на третью, на пятую. С елки на другую елку. По пути шишек поела. Потом к речке в осинник добралась, с сорокой Софкой поругалась.

— Ча-ча-ча! — сказала сорока Софка.— Ты чего по веткам скачешь? У тебя четыре ноги, по земле бегать должна. А деревья для тех, у кого крылья есть.

— Цок-цок-цок! — засмеялась белка.— Разве тебе места в лесу мало? Он, лес, для всех, где хочу, там бегаю!

Напилась белка Ленка, еще шишек поела и к вечеру на свою елку вернулась. Смотрит, лиса Лариска внизу.

— Ты еще сидишь? — спросила белка Ленка.

— Сижу,— сказала лиса Лариска.

— Ждешь?

— Жду.

— Ну, жди, а я спать лягу. Спокойной ночи!

Устроилась она поудобнее на ветке и заснула. А лиса Лариска не знает, что белка и поела уже и попила, думает: «Ладно, я голодная, и ты голодная, я пить хочу, и ты пить хочешь. Я упрямая, подожду, все равно слезешь. Или голова от высоты закружится, сама в рот упадешь».

Утром белка Ленка проснулась, умылась росой, спрашивает:

— Ты еще тут, лиса Лариска?

— Тут.

— Сидишь?

— Сижу.

— Ну, посиди еще.

И опять — с ветки на ветку, с елки на елку, к речке сбегала, поела и попила. Только вечером вернулась, когда уже солнце заходило.

— Ты еще сидишь, лиса Лариска? — спрашивает.

А у лисы от голода и жажды язык еле ворочается во рту. Но все же отвечает:

— Сижу.

— Все съесть меня хочешь?

— Хочу.

— Ну, посиди еще.

К ночи у лисы Лариски живот от голода стал болеть. Никакого терпения нет. И решила она домой сбегать, поесть и попить, а потом вернуться и опять караулить.

— Где ты пропадала? — спросила ее мать.— Совсем тощей стала.

— А я белку поймала! — сказала лиса Лариска.

— Как поймала?

— А так...

И рассказала, как белка Ленка на дереве сидела, а она внизу ее ждала.

— Глупая ты у нас, Лариска,— сказала мать.— У белки четыре ноги, но она с дерева на дерево прыгает, с ветки на ветку перелетает. Пока ты там внизу сидела, она весь лес обегала, про твою глупость рассказывала.

Поняла лиса Лариска, что многого она еще не знает, учиться ей надо. А белка Ленка с тех пор как только увидит ее, так шишкой запустит, дразнится:

— Цок-цок! Ну, как, лиса Лариска, когда есть меня придешь?

А лиса Лариска только пошипит от злости и прочь бежит. Поняла она, что никогда ей не поймать белку на дереве!

Ы Ш А М

КАК ЗАЯЦ КОСЬКА КАПУСТУ ПОЛИВАЛ

Давно в лесу дождя не было. Все жара и жара. День жара, два жара, неделю. На заячьем огороде капуста сохнуть стала. Вот и говорит мама-зайчиха:

— Возьми ты, Коська, ведро и полей грядки. А то не будет у нас капусты.

Заяц Коська очень любил капусту и хотел, чтобы она выросла высокой-высокой, вкусной-вкусной. Взял он ведро, повесил его на левую лапу, правой размахивает на ходу и песню поет:

Если дождик не идет —
Бом, бом!—
То капуста не растет —
Бом, бом!

Чтоб капусте воду дать —
Бом, бом! —
Надо грядки поливать —
Бом, бом!

Увидел его барсук Пахом, спрашивает:

— Что это ты, заяц Коська, веселый такой? В гости идешь?

— Нет, барсук Пахом, работаю я. У нас капуста сохнет, поливать буду, к озеру по воду иду.

Барсуку Пахому скучно было. От жары все звери по своим домам сидели, ничего интересного в лесу не слыхать. И решил он подшутить над зайцем Коськой.

— А зачем ты,— говорит барсук Пахом,— с ведром идешь?

— Да чтоб воду носить! Непонятливый ты какой!

Засмеялся барсук Пахом.

— Не знаешь ты нынешних порядков,— говорит он.— Все ведь у нас в лесу переменилось. Теперь, когда грядки поливают, воду не ведром, а решетом носят. Потому что ведро тяжелое, а решето легкое.

Заяц Коська раньше никогда грядок не поливал, воду не носил и сразу поверил. Раз оно, думает, решетом легче, так и еще лучше. Одно плохо — ведро у него есть, вот оно, на лапе висит, а решета нет.

— Так я тебе дам решето,— говорит барсук Пахом.— Ты мне ведро отдашь, а я тебе решето.

Отдал заяц Коська ведро барсуку, взял решето старое — в самом деле, сразу легче. Обрадовался заяц Коська, идет дальше и поет:

Ношу воду не ведром —
Бом, бом! —
Ношу воду решетом —
Бом, бом!

Далеко, недалеко —
Бом, бом! —
Решетом носить легко —
Бом, бом!

Зачерпнул заяц Коська воды из озера, понес. Ну, в решете дырок много, вода вытекает. А Коська только радуется, что легко, песни распевает и ничего не замечает. Пока до грядок дошел, воды всего несколько капель осталось. Вытряхнул он их на грядки и опять к озеру. А барсук Пахом сидит, смотрит на него и от смеха за живот держится.

— Ну, как, заяц Коська, хорошо решетом воду носить?

— Легко! — радуется Коська, не замечая, что барсук смеется над ним.— Спасибо тебе, что научил!

Так и носил он воду решетом до вечера. За ужином мать-зайчиха спросила у него:

— Ну, как, Коська, полил грядки?

— Полил, полил! — сказал Коська.

Утром мать-зайчиха глянула на грядки, а они сухие. Совсем погибает капуста. Позвала она Коську, спросила сердито:

— Зачем обманул меня?

— Я не обманул,— сказал заяц Коська.— Я весь день воду носил.

— Да чем же ты носил?

— Решетом. Меня барсук Пахом научил.

— Горе ты мое, горе,— вздохнула мать-зайчиха.— Обманул тебя барсук, посмеялся над тобой. Воду ведрами носят, а решетом муку просеивают.

Разозлился заяц Коська, пошел к барсуку, сказал:

— На твое решето, давай мое ведро! Обманул ты меня, не буду с тобой дружить.

— Так я пошутил,— сказал барсук.— Это тебе наука — когда берешься за дело, не только других слушай, но и сам думай.

— Ладно, я тебе отомщу! — сказал заяц Коська.

И стал носить воду ведром. Ведро, конечно, тяжелее решета, носить воду в нем трудно. Да зато она не вытекает. Полил он все грядки. Капуста обрадовалась, сразу листья подняла, зазеленела, расти стала.

— Молодец ты у меня, Коська,— похвалила мать-зайчиха.— Умеешь работать.

И отпустила зайца Коську гулять. А он к ежу Кирюхе побежал — посоветоваться, как барсуку отомстить.

Расул РЗА

ЗАВИСИТ ОТ ТЕБЯ

Нет, не так, деды!

«Этот мир — всего-то
пять дней,
И все дни — черные» —
Разве эта поговорка права?
...Откуда взялись
Эти слова?
От поражения ли
В борьбе?
От отказа от победы?
Или от сознания
недостижимости мечты?
Если мир — о деды! —
Всего-то пять дней
И вся жизнь с начала
До конца — черна
И бедствий полна,
То как же вы
Терпели это
С изначала света?
Хотя и с болью,
Хоть и изнывая,
Но ведь терпели?
Разве грядущее,
Как призыв свободы,
Не звучал в ваших ушах?
Разве зимой
Вы не видели
Небо только черным?
Как же каждый из вас стал упорным,
Чтобы пережить эти черные дни?
Почему же вы время от времени
Оставались в тени?
Почему черный цвет
Выпал на вашу долю?
Черный цвет!
Вы жили, на что-то уповая...
Нет!
Нет, это не так.
Не так это было...
Мысль ваша
По сказаньям, по песням бродила.
Крепла ваша отвага
Из века в век...
И Несими, и Кероглы,
И Бабек —
Ваши герои.
Но порою
Вы бывали и
Безропотной овцой,
Попавшей под нож Авраама.
Но, скажем прямо, —
Ни сегодня, ни завтра
Авраамова жертва
Повториться не должна.
Покончено с ней!
Но если мир — это
Все-таки действительно
Пять дней,
То это не для меня,
Не для тебя,
Не для народа...
Ну, а цвет этих дней?
Странник, увидев пса,
Подымает палку.
Дни меняют свой цвет.
Черного цвета нет!
Дни белеют на свете.
Цвет дня
Зависит от тебя и от меня!
Есть люди, что делают
Черными свои дни.
Есть люди, что делают
Черными чужие дни.
А есть люди, что делают
Черными
И свои и чужие дни...
А есть другие люди —
И они
Уничтожают черный цвет
Повсюду,
Чтоб был белым
Белый свет.

Прометей

Прометея
я видел во сне...
Он цепями был прикован
к скале — на вышине.
Коршун рвал когтями
его грудь изо всех сил.
Скован Прометей был цепями,
но пощады не просил.
В глазах его отражался
свет
одного человеческого очага.
И едва заметно, слегка
улыбался Прометей.
...Он был счастлив своим страданьем
на века.

Дети

Если я скажу,
что люблю детей, —
не прозвучит ли это чересчур
тривиально?..
Мне возразят:
а кто же их не любит?

Это ведь
не совсем так.

Вспомните
фараонов,
и тех древних
и этих нынешних...

...Если все любят детей,
то кто же сбрасывает
бомбы на города?

...Если все любят детей,
то кто же
морит детей
голодом?

Если б все любили детей,
то ни один человек
не осмелился бы
обидеть ребенка.

Малыш

(Из сирийского цикла)

Не смотри на меня так грустно.
Я не Даненде Бахлул
и не Гарун аль Рашид.
Одно лишь сердце у меня,
и то болит.
Если это сокровище,
то завидуй мне...
Малыш!
Тебе мало лет.
Но, может быть, ты увидишь
весь свет!
Может, твое имя
пройдет через годы и страны,
как проходят вести.
Может быть, люди
будут гордиться, что
жили с тобою вместе!..
Маленький человечек.
Малыш!
Ты босой стоишь
перед нами.
Но Ломоносов
не рождается однажды...
Ты задыхаешься
от голода и жажды?
Ты знаешь Сабира
или Низами Гянджеви,
ты, лишенный
ласки и любви?
Мне больно от твоей
боли...
Но кто в этом мире
без горя живет?..
Пять — десять человек —
наперечет.

Младенчество

Там, где звезды,
там считается
стотысячелетняя звезда
младенцем...

Там, где мотыльки,
там считается
однодневная бабочка
младенцем...

Человек уже
тысячи поколений
живет на свете.
Но человечество
считается еще
младенцем....

Вновь и вновь о сердце

Сердце существует
для того, чтобы ощущать
ненависть к кому-то,
чтобы увлекаться...
Сердце — это клубок нитей,
связанных с нитями других людей...
Сердце — это запретная зона,
оно полно тайн.
Сердце — это чудо из чудес.
Сердце не выдержит любой удар,
оно не из камня:
оно любит,
оно ревнует...
...Оно способно выдержать многое...
Но сломаться — от слова.

Перевел с азербайджанского
Е. ВИНОКУРОВ.

Аист

Улетел наш аист на зиму
в теплую страну,
но вернулся, чтобы праздновать
с нами весну.
В той стране не строил аист
прочного гнезда.
Сказку
из чужого края
он принес сюда.
Аист,
где бы ни летал ты,
средь любых широт,
знай:
гнездо твое родное
тебя здесь ждет.
Только, если сказки грустные
в дальнем краю,
нашим детям
не рассказывай
сказку свою.

Спешу

Горы,
дайте мне проход,
немедленно дайте!
Реки,
укажите мне брод,
мели мне дайте!
Долины,
тропинки дайте мне,
хоть пыльные, дайте.
Птицы,
крылья дайте мне,
крылья мне дайте!
Я в завтра спешу...

Перевела с азербайджанского
М. ПАВЛОВА.

Е. Чернышева (Москва). ТОЛЯ, ВИТЯ И ВОВА ИЗ ДЕРЕВНИ КИШАРИНО.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

Г. Ханджян (Ереван). В ГОРАХ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

Олесь ГОНЧАР

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Рисунки
заслуженного художника РСФСР
П. ПИНКИСЕВИЧА.

Новая повесть Олеся Гончара «Бригантина» посвящена одной из самых острых проблем современности — воспитанию человека. Воспитанию в том возрасте, когда человек еще даже не на пороге своей большой жизни, а только готовится к ней, и от того, как он будет подготовлен, зависит очень многое в его дальнейшей судьбе. Публикуем несколько глав из повести.

Мальчишка настороженный, крутолобый, вошел и встал перед учителями, прикрывшись недоброй натянутой усмешкой. «А ну, что вы мне сделаете?» В щелочках глаз — вызов, с губ не сходит все та же усмешка — напряженная, кривая и как бы забытая. Дерзость в ней, напускная веселость, бравада самозащиты. А за всем этим угадывается затаенная боль, ранимость, нервное ожидание самого наихудшего. Откуда, из каких скитаний, из каких мытарств принес он свою предвзятость и эту упрямую затаенную неприязнь?

— Так это ты и есть Порфир Кульбака?

— Там написано.

Директор рассматривал бумаги.

— Школу бросил... Дома не ночевал... Где же ты ночевал?

— А где ночь застанет.

— У нас надо говорить точнее: где именно?

— Весна уже: можно переночевать и на берегу под лодкой... Или в клубе на чердаке...

— А днем?

По вдруг побледневшему от волнения лицу солнечным зайчиком промелькнуло что-то светлое:

— Днем рыбку удил.

— На какие же удочки?

— Думаете, что на крюки-самодеры таскал?

— А то нет?

Дерзкая ухмылка в сторону, и ответ уклончивый, приправленный рыбацкой шуткой:

— Таскал, таскал — по неделе Днепра не видал...

Директор пристально вглядывался в новичка: вот еще одно дитя этого яростного века, безнадзорное дитя плавней и тальников днепровских... Побледневшее стоит, издерганное, а глазенки быстрые, смешливые — в них так и светится интеллект. Пусть неотшлифованный, невзнузданный, но явно же проблескивает, такого не причислишь к умственно отсталым. Буйного, неукротимого, видно, нрава хлопец... Руки в ссадинах, ботинки разбиты, новенькая синтетическая курточка уже разодрана на боку, клочок свисает, будто собака зубами выхватила... Где-то уже перенял вульгарную эту манеру разговаривать, растягивает слова, кривит рот... Стоит небрежно, вразвалочку, шарит туда-сюда взглядом по кабинету, украдкой перебегает по учителям в предчувствии психологической дуэли. «Не боюсь вас. Остригли — подумаешь... А бить не имеете права!..» Вот такого вам передают. Нарушитель, может, даже маленький браконьер перед вами — попадаются среди них закоренелые, ожесточенные. И поди угадай: как он проявит себя в новой для него среде? Юное, на вид даже какое-то жалкое существо, а каким оно порой умеет быть изобретательно-злым, бессердечным, жестоким! Наплакалась, видно, от него мать...

— Так, так. — Директор снова заглянул в бумаги. — Бродяжничал... Задержан в порту при попытке пробраться на океанское судно... Это к вам, в Нижнюю Камышанку, уже океанские заходят? — улыбнулся директор.

Мальчуган уловил иронию, ответил в тон:

— Сквозь камыши вряд ли пробьются... — И добавил: — Это я аж в том порту был, где морские курсанты свой парусник швартуют.

— А ты чего там очутился?

— На корабли смотрел — разве нельзя?

— Дальше куда-нибудь собирался путешествовать?

— Может, и собирался.

— Куда же, если не секрет?

— Ну, хотя бы на лиман...

— А на лимане что?

— Как что? Там — жизнь! Право-воля! Птицы со всего света! Тучи там их на озерах и в камышах: веслом махнешь — солнца не видно!

Мальчуган переменился, преобразился на глазах, последние слова были произнесены прямо-таки вдохновенно.

— А после лимана... какие были намерения?

— Без намерений. Куда душа пожелает... Гала́світа!

Учителя переглянулись, и самая старшая из них, полнолицая седая женщина, спросила:

— Это какой-то новый континент «Гала́світа»? Где он? Объясни, пожалуйста.

— А вы маму мою спросите... Чуть что — сразу: «А-а, гала́світа б ти пішов!..» Вот и пошел.

— Гала́світа — это, наверное, где-то на месте погибшей Атлантиды, — высказал предположение директор. — Только ты сбился с курса, в совсем иной гавани очутился...

— Я и от вас убегу! — выкрикнул мальчуган.

— Поймаем, — спокойно улыбнулся директор. — Один философ говорил: «Мир ловил меня, да не поймал», — но то был, видимо, несовершенный мир. А наш сразу руку тебе на плечо: пойдем-ка с нами, товарищ Кульбака.

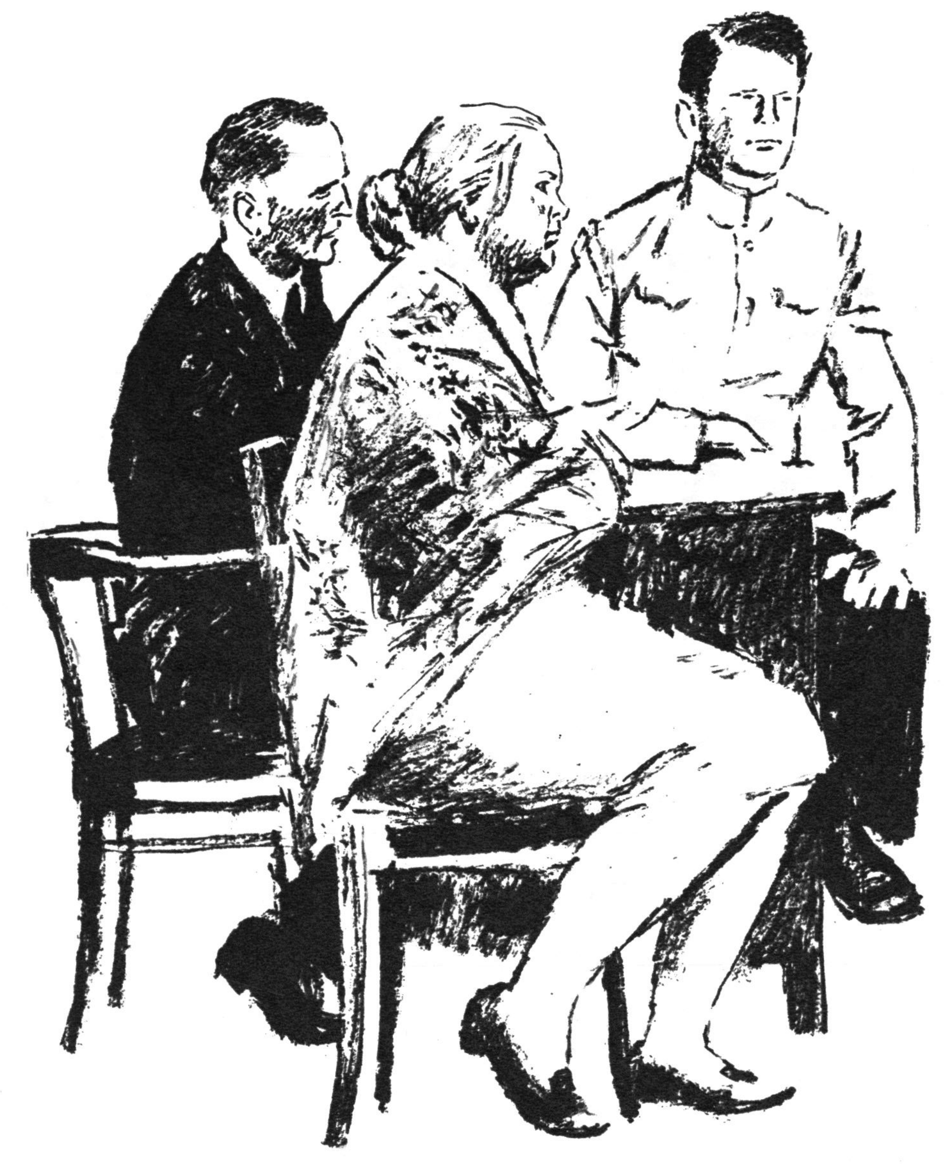
— Убегу! Убегу! Ничем не удержите!

В глазах директора, светившихся перед этим приветливостью, сразу похолодало:

— Только ты руки вынь из карманов, не то карманы зашьем. Да стань прямее. И в глаза мне смотри.

Нет еще в школе таких аппаратов, чтобы психику новичка насквозь просвечивать, вот и остается директору давний классический способ: по глазам читай, по их выражению улавливай да угадывай, чем он порадует вас, этот новый пришелец. Попадают сюда из школ, детских приемников самые буйные, бесшабашные, озорные, те, что двери с разгона открывают ногами, а руками крушат все, что только подвернется... Целые коллективы педагогов не могут порой управиться с таким одним... Чего-чего, а изобретательности, чтобы донять учителей, этой публике хватает. Каким же будет этот? На́хохленный стоит, обиженный твоим замечанием. В глазенках затаилось что-то хищное, украдкой сторожат они каждый твой жест, выражение лица, — изучают, прицениваются, на миг выказывают почти открытое презрение и опять куда-то убегают неуловимо. Крепкий подкинули орешек. Чувствуется, что есть у него уже свои представления о жизни: то, что для вас плохо, для него плохим не является, каждой самой дикой своей выходке он найдет оправдание, и совесть не будет мучить его, а вы в своих диссертациях можете разве что записывать: «дисгармония поведения...», «деформация характера...», «повышенная агрессивность...».

— Познакомимся поближе. Зовут меня

Валерий Иванович, я директор школы. А это Ганна Остаповна Дудченко, завуч наш, заслуженная учительница республики.— Директор взглядом указал на седую располневшую женщину, которая только что расспрашивала о новом континенте... Она сидит у стола с чуть заметной улыбкой на спокойном лице, оплывшем, как тесто. Что человек думает о тебе — ничего на таком лице не прочитаешь...— А это Борис Саввич.— Директор кивнул в сторону юноши в морском кителе, с копной рыжих волос на голове.— Настоящий морской волк, на глубинах жил... Натренированный так, что может в кромешной тьме, на ощупь пробоину заделать...

Мальчуган исподлобья, изучающе поглядывал на своего будущего наставника: здоровяк, плечи литые, лицо красное, щекастое — изрядную будку наел на флотских харчах! Воротник кителя едва сходится на мускулистой шее. И вправду как морской волк: сидит насупленный, в разговор не вмешивается, директор в сравнении с ним хлопцу совсем не страшен: у директора вид какой-то девичий, интеллигентный, шея длинная, худая, руки с тонкими пальцами... чувствуется вежливость в человеке, такой не станет, конечно же, хватать воспитанника за шиворот...

— Кроме Бориса Саввича,— продолжал директор, к которому после короткого «оледенения» снова вернулась спокойная приветливость,— будет у тебя воспитательница Марыся Павловна, она сейчас на уроке... Вот перед нею ты, хлопче, держись: страх не терпит разболтанных, недисциплинированных... Она-то наверняка растолкует тебе, что быть разгильдяем, хулиганить, бродяжничать — это совсем не геройство, разгильдяйство к добру не ведет, что настоящие герои — это такие, как мама твоя... Вот это человек! Мертвые пески возвращает к жизни, кучегурную нашу Сахару виноградниками покрыла, а ты? Матерью весь коллектив гордится, а сына к нам — в сопровождении милиционера: получайте, мол... Да не гнись ты, стань прямее и не хмурься, ведь мы тебе еще ничего плохого не сделали... Или сделали?

— Нет.

— Ни дурного, ни хорошего — ничего еще не успели, а ты уже на нас вот так исподлобья, волчонком... Это, по-твоему, справедливо?

Молчит парнишка, нога сама собой хочет ковырнуть пол.

— Не знаешь, кто мы, какие мы, впервые нас видишь, а уже вот так, с недоверием, даже с враждебностью... А что таким отношением ты нас оскорбляешь — ты подумал об этом? Тебе приятно было бы почувствовать такое отношение к себе?

На миг стушевался мальчуган, словно что-то прикинул в уме, потом снова заслонился от взрослых своею недоверчивой, отчужденной усмешкой. Говорите-рассказывайте, мол, что хотите, а меня одно занимает: как бы вот через ту вашу стену перемахнуть, что за окном белеет...

Когда Ганна Остаповна спросила, как учился,— ответил без энтузиазма:

— С двоек на тройки перебивался... Были и пятерки, но это одна на двоих...— сострил он нехотя.

— Грести умеешь?— поинтересовался Борис Саввич.

Хлопец сразу оживился:

— Еще бы! На каюках все плавни обходил... И моторку могу завести, даже катер...— При этом лукавая улыбка в сторону:— Не дают, правда, развернуться... Разве что у кого «одолжишь».

— И часто «одалживал»?

Что им сказать?.. Могли бы и сами догадаться, что перед ними чародей! Ведь стоит ему только появиться на берегу, среди лодок, прикованных к осокорям цепями, стоит только приблизиться к ним, как любой замок сразу, точно перед магом индийским, сам открывается! А если эта лодчонка, каючок просмоленный, да еще с моторчиком, так это же прямо красота! Дерг, дерг за веревочку, и каючок уже мчит тебя меж камышами, под вербами летит, аж нос задрал, аж подскакивает на воде...

— Если и случалось брать, то ведь и на место пригонял,— пояснил в свое оправдание хлопец и вдруг с гримасой боли метнул на директора взгляд почти молящий:— Отпустите меня! Я ведь не вор... За что меня сюда?

— Школу бросал, бродяжничал — такой букет за тобой, а ты спрашиваешь,— нахмурился директор.— И сейчас все в школе, все учатся, а ты...

— Отпустите!— запричитал хлопец, будто ничего не слыша.— Мама пусть меня заберет! Или станция пусть возьмет на поруки!

— А ты потом опять за свое?

— Я поклясться могу!

— Если бы и хотели отпустить, уже не имеем права,— объяснила Ганна Остаповна.— Кто попал сюда, должен перетерпеть, должен искупить свою вину. Конечно, мама будет скучать по тебе, однако ей известно, где ты и зачем: как раз на нашу школу она возлагает, может, последнюю надежду. И ты нашей школы не бойся. Строгости у нас — это верно, только мы тебе зла не хотим, со временем привыкнешь, сам по справедливости оценишь свое поведение. Вдумайся: вокруг тебя — люди трудовые, честные, делом занятые, так могут ли они позволить тебе вот так петлять по жизни, бросить школу и где-то шалопайничать, чтобы мамино сердце от тоски по тебе разрывалось... Подросток уже, в твоем возрасте пора задуматься о себе, о своих поступках. Сегодня ты подросток, а завтра взрослый. А каким ты идешь в свою взрослость? Таким ли тебя Родина ждет? Ты же сын ее, понимаешь? Со временем, может, станешь таким, что и нас, воспитателей, во всех науках превзойдешь, а пока что...

— Пока что хвост изрядный за ним приволокся,— сказал директор, неторопливо листая личное дело Кульбаки.

— Что же там?— не сдержался хлопец. Ему, наверное, казалось, что в тех бумагах облыжно приписаны ему разные преступления, обвиняют его, поди, во всех смертных грехах, может, что рыбу крюками таскал и лодки угонял, а может, и совхозного аиста ему приписывают, того, что убитым нашли как-то утром возле гаража. А Порфир сам о том аисте столько горевал, места себе не

находил, целый день тайком ревел в кучугурах...

— Нацепляли же они тебе заслуг! — улыбнулся директор, вчитываясь в бумаги личного дела. — Дисгармония поведения... Труднейший характер... Исключительное упрямство, строптивость, непослушание...

— Как под микроскопом тебя изучают, — сказала Ганна Остаповна, и тесто лица ее расплылось, от него повеяло приветливостью.

— Повышенная реактивность нервной системы, — продолжал читать директор, — чрезмерно заостренный инстинкт свободы... Склонность к фантазиям, вспышки агрессивности... Ого-го, сколько всякого добра! А ты еще удивляешься, почему тебя направили к нам.

Молчун в морском кителе, Борис Саввич, наконец тоже вмешался в разговор.

— Мы не бюрократы, — будто смущаясь, сказал он суровым тоном, — не из бумаг составляем мнение о тебе. Знаем: не все, что покорненькое, хорошее. Не тихари да иисусики наш идеал. В тихом омуте черти водятся — это давно известно... Однако и ты с нами брось хитрить, ты сам должен помочь нам в тебе разобраться. Вот и давай — помогай.

— Как?

— Искренним будь. С этого начни. Выложи начистоту все, что там у тебя было, оно тут и умрет.

— Ничего у меня не было! — вскипел хлопец. — Выдумки все! Понацепляли, понавыдумывали.

— Мы и не говорим, что у тебя какое-то страшное преступление на совести, — успокоил его директор. — Ни в чем таком тебя не подозреваем. И поверь, что для твоего же добра хотим найти с тобой общий язык...

В голосе директора была искренность, не ощущалось никакой фальши, однако расстояние между ним и Порфиром не уменьшалось, само положение правонарушителя отделяло мальчика от этого человека с его властью, выдержкой, с какою-то праздничной опрятностью во всем. Непривычным был этот вдумчивый тон, спокойствие лица, непривычны даже эти белые пальцы, что, словно забавляясь, время от времени трогают то тесемочку папки личного дела, то голубую ленту галстука на груди. Все как будто хорошо, но не очень-то всему этому доверяй, потому что они, педагоги, коварны, умеют прикидываться, чтобы заманить тебя в капкан, укротить, приневолить. Никто не кричал, не грозил, не топал ногами, но и в этом Порфиру чуялось нечто коварное. Ибо разве можно без гнева и угроз с ним, с таким, которого под стражей сюда доставили?

— Будешь стараться, будешь добросовестным, никто тебя у нас не обидит, — обещала между тем Ганна Остаповна. — Разреши себе с нами полную откровенность, стань правдивым, постарайся душу очистить, и тебе сразу будет легче. И не грусти. Или тебя мучит что-то? Скажи откровенно: что тебе у нас не нравится?

— А то, что школа у вас режимная.

— Верно, режимная, — подтвердил директор. — Ты себе хорошо представляешь, что это такое?

— Еще бы... Все время за каменной стеной! Никуда ни шагу без разрешения!

— А ты как хотел? — Глаза Валерия Ивановича сразу оледенели. — Проштрафился — получай. Школа создана для правонарушителей, и мы своих правил не скрываем: существуют у нас ограничения, порядок значительно более строгий, чем в обычной школе, которую, кстати, ты сам не захотел посещать... Существует у нас и наказание одиночеством... Так что нечего теперь роптать, что у нас правила, ограничения, что вступаешь в «режим полусвободы», — так это у нас называется. Зато потом, став взрослыми, наши воспитанники только спасибо нам говорят: вон полный шкаф писем от них с благодарностями. В пропасть, мол, катился, а школа спасла...

— Свидания у вас разрешаются?

— Право на свидание надо заработать, — объяснил Борис Саввич. — И чуб разрешим. Только это нужно заслужить безупречным поведением.

— А за хулиганские выходки, — предупредил директор, — за одну только попытку совершить что-нибудь зловредное...

— Знаю! Карцер! — бледнея, выкрикнул хлопец. — Так с этого и начинайте! Берите! Бросайте в карцер!

Все почувствовали в этой вспышке уже не браваду, а крик души, измученной горем, близкой к отчаянию. Попадают сюда порой и в таком состоянии, с ощущением затравленности, заброшенности, когда ребенку никого и видеть не хочется, когда и одиночество не пугает, — забиться бы в нору какую-нибудь, четырьмя стенами заслониться от вас всех!

О маме спросили, любит ли он ее.

— Не знаю, — бросил хлопец в сердцах. — Наверное, нет.

— Ты хорошенько подумай, прежде чем такое говорить, — встревожилась Ганна Остаповна. — Даже если бы ты и трижды сказал, что не любишь, я бы и тогда тебе не поверила...

— Почему?

— Потому что это страшно. Ведь кто разучился маму любить, самого родного человека, тот уже, считай, пропащий.

— А я не такой? — криво усмехнулся хлопец.

— Ты не такой...

Оказалось, что о маме его эти люди слышали много хорошего. Спросили, висит ли в Камышанке и сейчас ее портрет на Доске почета у Дворца культуры, среди портретов тех, кем гордится научно-исследовательская станция. Потому что именно таким, как мама, станция и обязана своими успехами: даже иностранные делегации приезжают на мамин участок поглядеть, разузнать, как это у нее так получается, что там, где, кроме молочая, ничто не росло, где только ржавые снаряды да мины валялись меж раскаленных кучегур, теперь рядками зеленеют, выбрасывают листья винограды наикультурнейших сортов! Знатная виноградарница! Труженица такого таланта, что у нее даже кучегурная Сахара меняет свой нрав, свой характер. Сколько посадит — все чубучата приживаются, и никакая их мильдия, никакая виноградная вошь не берет.

При воспоминании о матери душу Порфира залило теплом любви, признательности. Уже и эти люди, беседующие с ним и так уважительно отзывающиеся о маме, чем-то ближе ему становятся. На миг возникло желание полнее перед ними открыться, о маминой работе им больше рассказать, может, и к нему тогда они участливее отнесутся, пожалеют, а то и приголубят. Ведь хлопец почувствовал: интерес к его судьбе здесь не случаен, он глубже и деликатнее, нежели у тех пьяниц, которые у пристанского буфета или на рыбалке лезут к тебе в душу с хамовитыми расспросами: чей ты, да откуда, позабавь их собою, развлеки... И хоть сейчас душа мальчика, казалось, была открыта для ласки, для доброго слова, но как только Ганна Остаповна невольным вздохом обнаружила нечто похожее на жалость, только обмолвилась словом «полусиротство», как хлопец сразу же насторожился, детская камышанская гордость так и наежилась всеми своими иголками, не принимая возможного сочувствия, каким его могли здесь лишь унизить. Уж такой он есть, такой в кого-то пошел, что от малейшего, даже ласкового прикосновения невольно свертывается в клубок, как тот плавневый ежонок, тот серенький и колючий, что только тронь его рукой, как он мгновенно свернется, спрячется в самом себе, — одни иглы-колючки во все стороны торчат! Однако и там, под колючками самолюбия, в душе камышанца приглушенно дышало его неукротимое упрямство, и неподатливость, и затаенное страстное желание — убежать, убежать...

Если интересовались матерью, то естественно было ждать, что сейчас спросят и об отце. Из всех возможных вопросов этот самый мучительный, самый нестерпимый. И что сказать им, когда спросят? Разве что крикнуть: «Ветром навеянный! Ничейный я, бесхозный!» Ничем иным не могли бы ранить хлопца больнее, чем расспросами об этом. Когда где-нибудь на пристани пьяница захожий станет вдруг допытываться, то такому типу можно и солгать, выдумать ему того батька, назвать, наконец, первого на ум пришедшего из совхозных механизаторов, — поди проверь... А этим не выдумаешь, перед этими только и можешь свернуться ежиком, со страхом и ненавистью ожидая неотвратимого их вопроса, который для тебя будет, как удар ножа... Вот когда и видеть бы их не хотел, с разгона бы головой в окно да через ограду — в степь, в плавневое раздолье. С рыбами, с птицами, с ежами, даже с гадюками куда легче, чем с людьми! Те по крайней мере не доискиваются: кто ты, чей, есть у тебя батько или нету? Они живут сами по себе, а ты — сам по себе.

Ждал мучительно, что вот-вот спросят, в озлобленной настороженности ждал, а они... так и не спросили.

Более того, директор снова заговорил о Порфировой маме, о том, как отмечали ее достижения на одном из совещаний, ведь речь шла о трудовой чести человека, а в связи с Порфиром учителя принялись рассуждать о безграничности и бескорыстии материнской любви, и хлопец, слушая, все больше понурился, стриженая голова его словно отяжелела от слез, которыми медленно наливались, переполнялись глаза.

— Где-то там сейчас она думает о тебе, — сказала Ганна Остаповна. — У мамы ведь одно на уме: чтобы ты человеком стал. Человеком, понимаешь?

Мальчик не смог вымолвить ни слова. С искаженным горькой гримасой лицом, с перехваченным горячими спазмами горлом, он только согласно кивнул стриженым своим лбом: как же, мол, понимаю.

Окончание следует.

Авторизованный перевод с украинского Изиды НОВОСЕЛЬЦЕВОЙ.

П. А. КРАВЧЕНКО

Умер Павел Антонович Кравченко. Почти четверть века он проработал в «Огоньке». Читатели помнят его яркие, умные очерки, написанные журналистом, знающим и любящим жизнь. Он был очень способный журналист, и, если бы не тяжелая болезнь, которая много лет терзала его, он дал бы советской публицистике еще много ярких страниц.

Последние годы своей жизни он заведовал в журнале отделом литературных приложений. Литераторы, обращавшиеся к нему, видели в нем взыскательного редактора и доброго помощника.

Коммунист с 1941 года, он пользовался в коллективе любовью и уважением: был секретарем партийной организации, много раз избирался членом партийного бюро. До работы в «Огоньке» вел напряженную организаторскую партийную работу на Чукотке, в нелегких условиях сурового северного края.

Ему не было и 60 лет — смерть застала его в пору общественной и литературной зрелости, когда человек работает, еще не думая о надвигающейся старости.

Коллектив огоньковцев с болью в сердце проводил его в последний скорбный путь.

ОГОНЬКОВЦЫ

1

**Евгений РЯБЧИКОВ,
председатель Всесоюзной секции репортеров
Союза журналистов СССР**

Фото автора.

Люди не могут жить без воздуха, воды, пищи и... информации...

Огромное внимание уделял информации Ленин — в ней он видел могучую силу агитации фактами за коммунизм. Вести эту наиважнейшую работу, учил Ленин, должна армия репортеров, «обязанных «по должности» быть вездесущими и всезнающими». По нехоженым тропам идут советские репортеры-следопыты, кладоискатели фактов, свидетели великих дел советского человека. Передний край жизни — место постоянной прописки репортера. Он всегда в пути, всегда в поиске. Время «застывает» в записных книжках и подшивках журнала. Перелистаем их страницы, и откроются репортерские пути-дороги. Каждая репортерская командировка — это окно в мир. Журнальные полосы навсегда сохраняют незабываемые встречи с новью.

Столица Тувы — Кызыл. Нелегок путь отсюда до гор, к колыбели Енисея. Как сейчас перед глазами стылое зеркало озера Тере-Холь, а на нем — зеленый островок с глинобитными стенами древней крепости. Не забыть посадку самолета в горной тундре. Палатки геологов. Ночные костры... А потом коварные пороги, малюсенький салик — плот, катера, мчащиеся сквозь буруны. Гарь и дым таежных пожаров и, наконец, таинственный Большой порог. Шушенское, устье Филаретова ручья, где Ленин и Кржижановский по пути в ссылку думали об укрощении неистового Енисея... В тех местах у Дивных гор я впервые увидел, как намечались контуры гиганта энергетики.

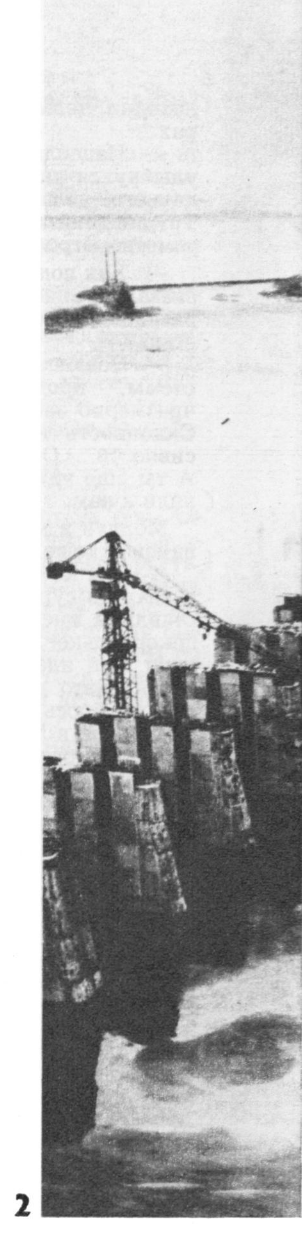
...Прошли годы. И вновь судьба репортера привела меня на берега Енисея. И вновь мне довелось пройти путь от истоков великой сибирской реки до студеных просторов Ледовитого океана. «Путешествие по следам путешествия» — так прозаично звучало название репортажей тех дней. Но какая поистине фантастическая картина предстала тогда передо мною. На озеро Тере-Холь, в Кунгур-Тук, доставил уже рейсовый самолет, а в Саянах, где наш плот когда-то встречали медведи, грохотала стройка Саяно-Шушенской ГЭС. И вот уже от Абакана «Ракета» понесла нас по необъятной шири нового искусственно созданного моря к Красноярской ГЭС — величайшей в мире. Ее плотина остановила бег Енисея и зажгла огни над Сибирью.

Таковы «шаги саженьи» нашей, советской жизни. Такова ни с чем не сравнимая поэзия фактов.

...«ТУ-104». Это название туполевского лайнера давно вошло в обиход, стало привычным. Давно уже вошли в строй новые молодые братья этой великолепной машины. Но вспоминаются дни, когда о туполевском детище говорили как о чуде. Первая в мире реактивная международная пассажирская авиатрасса Прага — Москва — Иркутск — Улан-Удэ и далее на Восток... Прага, 1956 год. Тысячи горожан вышли встречать невиданный ими «ТУ-104». «Стрелой стратосферы» назвала тогда мировая пресса легендарный самолет, пронесший через полмира на своих крыльях правду о мощи и величии нашей Родины.

...Антарктида. «Страна белой смерти»... Помню, как, круша льды, к этому «континенту безмолвия» пробивается наша «Обь». Никогда не изгладятся из памяти те радостные мгновения, когда, пересекая тысячекилометровое пространство, через всю планету в Москву, в редакцию «Огонька», полетели первые строки радиограммы-репортажа: «Свершилось. Мы в Антарктике. Нас приветствуют человекоподобные пингвины».

Время... Оно как будто застыло в наших репортерских записных книжках, на полосах газет и журналов. Перелистывая их, я мысленно снова иду по границе Советского государства с героем-следопытом Никитой Карацупой... Вижу новые города и стройки... Вдыхаю вольный степной ветер просторов между Волгой и Доном, вижу размах стройки Цимлянской ГЭС. Вспоминаю эпический финал соединения пяти морей.

2

ПОЭЗИЯ Ф

Кулунда... Из далекого далека встают передо мною степные бураны, палатки целинников. Первая, первая борозда, прочертившая неоглядный простор кулундинской равнины. Вспоминаю рокот первого трактора, разбудившего вековую тишину целины, и звонкие песни парней и девчат-трактористов, капитанов степных кораблей, и «маяки», длинные шесты с пучками перекати-поля, расставленные, как ориентиры, по необозримому целинному океану, и гордый полет орлов над разбуженной землей...

Страницы старых журналов... Время в них будто застыло на миг и вновь и вновь заставляет тебя вспоминать неугомонные репортерские пути-дороги.

Ангара... Строительство первой Иркутской ГЭС. Потом — страшенные пороги на Падун-Камне, чащоба под Братском. Плоты первопроходцев прорвались сквозь буруны к сердцу Сибири. Зажглись первые огни великой стройки, загрохотали взрывы, крушившие таежную дрему. Не забыть обвал гранитных глыб в проран. Ревущие водные потоки. Счастливые, усталые лица водителей самосвалов, кумачовые стяги на портальных кранах. Иркутск, Братск, Ангара, Падун, Усть-Илим... Это все вехи репортерских троп.

Реки — артерии жизни. От заросшего камышом Зайсана Иртыш приводит нас к устью Каменных гор под Аблакеткой. Первые силуэты стройки. Стрелы кранов, ажурные переплетения арматуры на залитом огненным заревом таежном небе. Былинная мощь Иртыша...

Сибирь всегда манит, поражает грандиозностью строек, величием подвига людей. Вспоминается командировка-путешествие от истоков до устья богатыря Енисея. Незабываемые, святые для нас, советских людей, края, где Владимир Ильич, находясь в далекой ссылке, в те страшные годы мечтал о светлом будущем России.

Глубокое волнение охватывает душу, когда вспоминаешь, что мне одному из первых посчастливилось рассказать в репортажах о нашем первом советском спутнике Земли.

Не поведать в короткой заметке и о сотой доле километров «репортерских троп» бывшего специального корреспондента «Огонька». Но когда пытаешься мысленно воссоздать и опосредствовать эту гигантскую вереницу фактов, то начинаешь ясно понимать, что даже все чудеса, рожденные самым пылким воображением фантастов, бледнеют перед правдой нашей реальности. Проза наших будней поистине легендарна. Поэтому так покоряюща и неотразима поэзия фактов — поэзия будней нашего великого созидания.

1

Репортерские тропы вели в первый полет на «ТУ-104»...

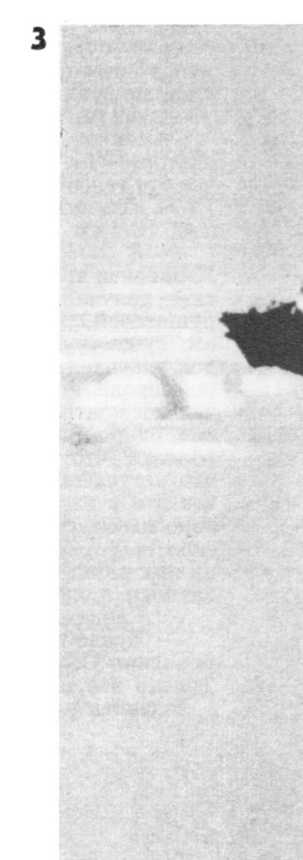
2

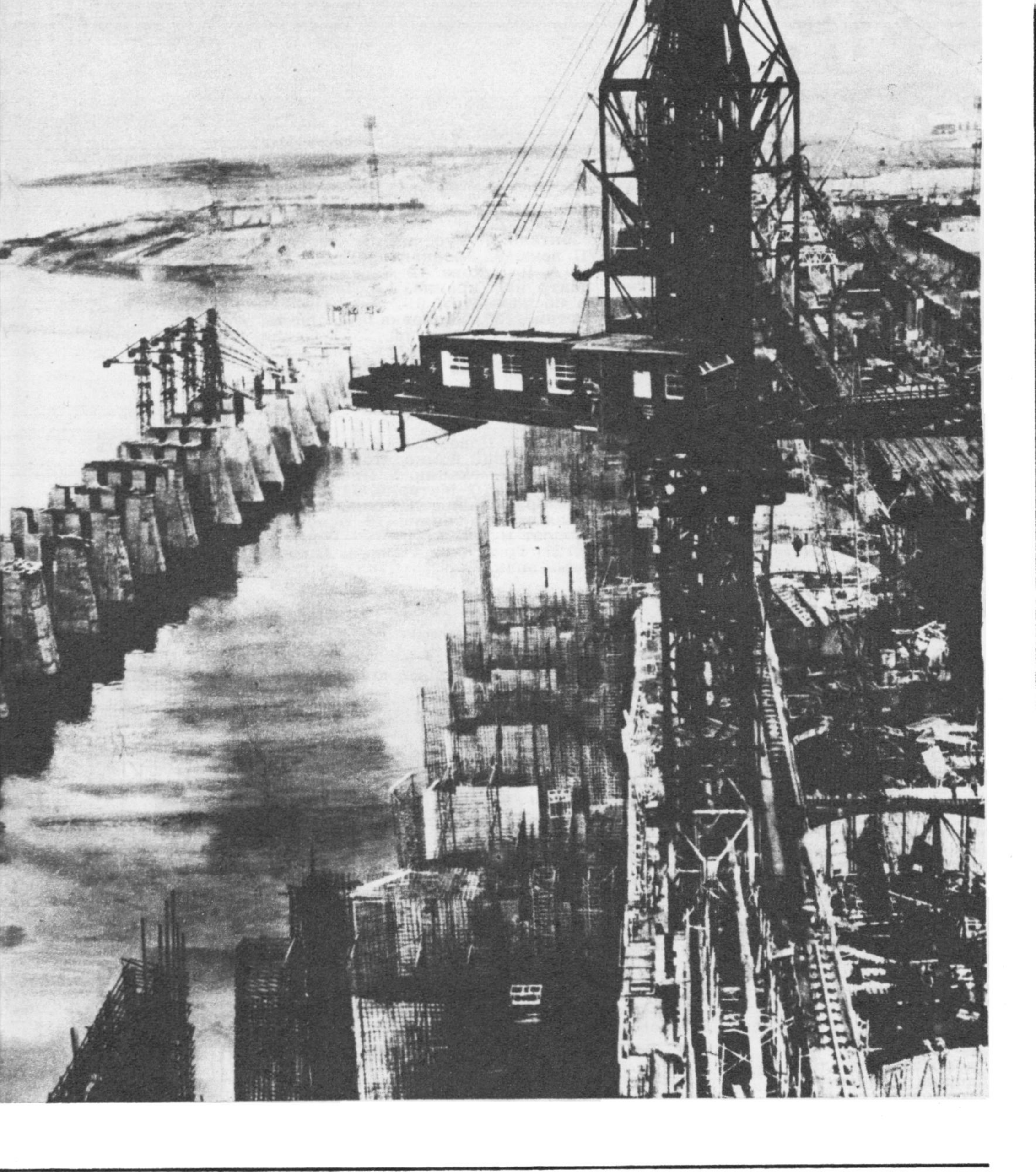
...на строительство Цимлянской ГЭС...

3

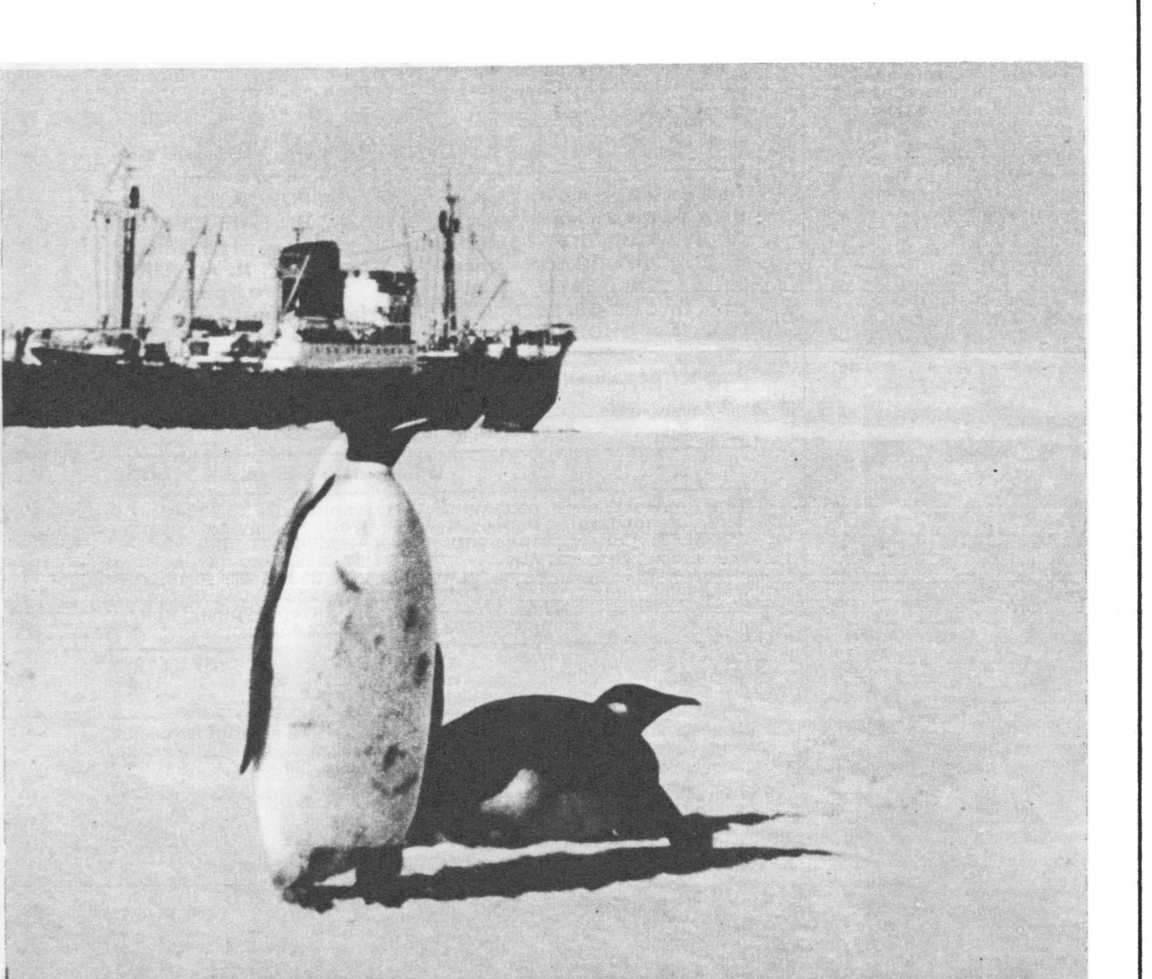
...на первую встречу с Антарктидой...

3

АКТОВ

В ТРУДЕ И ПОИСКЕ

Светлыми минутами общения с удивительной души человеком награждает каждая новая встреча с Василием Павловичем Козаченко.

...В золотистые парчовые наряды одевались леса Белоруссии, когда на ее землю съехались писатели из многих городов страны на большой литературный сбор. Позже всех нас пригласили в знаменитую Беловежскую пущу посмотреть на лесные и звериные диковины. «Эх, Беловежская пуща — мечта! — вздохнул Василий Павлович.— А вот поехать не могу. В следующий раз уж обязательно...» Он улыбнулся застенчиво, видно, испытывая неловкость оттого, что вынужден отказаться от приглашения: «Не приехать не мог: дружба литератур — часть нашего общего дела... А дома, знаете ли, книга новая, надо заканчивать. И партийные, общественные заботы...»

Мне известны были его предвоенные книги — «Золотая грамота», «Данило Скоробогатько», «Первый взвод», в которых В. Козаченко, обнаружив стремление к разнообразию тем, обозначил весьма четко свои идейно-художественные позиции, всецело отвечавшие методу социалистического реализма. Среди героев его произведений были и преданные борцы за дело революции, ломавшие старое, ненавистное и строившие Страну Советов, и такие, кто, подобно Даниле Скоробогатько, не видел великих перспектив коллективного уклада на селе, и те, наконец, кто подал руку помощи обездоленным братьям Западной Украины...

И позднее, в послевоенные годы, были встречи с иными его повестями: «Аттестат зрелости», «Сердце матери», «Новые потоки», «Заре навстречу», «Сальвия». В них писатель ясно определился как художник, все зорче и пристальнее вглядывающийся в предмет своей особой любви и тревоги — в молодое поколение, в тех, кто на жизненной стезе, порой жесткой и крутой, держит экзамен на зрелость. Потом выходили новые книги В. Козаченко: «Молния», «Цена жизни», «Горячие руки», «Письма из патрона», «Яринка Калиновская», «Белое пятно», составившие значительный труд последних лет — цикл повестей о комсомольско-молодежном подполье, о борьбе на временно оккупированной родной Кировоградщине, за который писатель был удостоен высшей литературной награды республики — премии имени Т. Г. Шевченко.

Но единственно ли своим произведениям обязан Василий Павлович тем авторитетом и популярностью, какими он пользуется среди своих собратьев по перу и в кругах читателей? Нет, конечно. Зрелым и тонким мастером, способным передать всю чарующую прелесть современной украинской нови, умеющим с филигранной точностью воспроизвести духовную эволюцию героев,— таким проявляет себя в книгах Василий Павлович. Но «секрет» его воздействия на людей, его человеческого обаяния, пожалуй, кроется и в беспредельной щедрости и цельности его души, в многогранности натуры, в завидной энергии, в самом характере тех больших и малых дел, которыми он повседневно живет, а их у него поистине безграничное множество — тут и проблемы украинской литературы, и дружеские связи с литературами других республик, и воспитание молодой писательской поросли, и депутатские заботы, и обязанности члена Центрального Комитета КПУ, посещения заводов и строек, колхозов Кировоградской области... Быть в гуще событий, остро ощущать ритм времени, жить одними помыслами и интересами со своим народом — вот девиз творческой и общественной деятельности писателя-коммуниста Василия Павловича Козаченко.

Глядя на него, ощущая бьющую ключом, неиссякаемую энергию этого человека, просто не верится, что Василию Павловичу — шестьдесят, и, желая юбиляру отменного здоровья, творческих успехов, мы нимало не сомневаемся, что почитателей его таланта, его друзей ждут впереди отрадные встречи и с ним самим и с новыми его книгами, потому что писатель все время в движении, в труде, в поиске, сегодня он, как и двадцать, тридцать лет назад,— на главном участке борьбы и созидания.

Н. ГОРБАЧЕВ

«ОГОНЕК» В МИНСКЕ

Белоруссия... Героическая республика. Каждая пядь земли говорит о минувшей войне. Хатынь. Ее колокола вечно будут напоминать людям о страшных цифрах потерь, понесенных белорусским народом,— ведь каждый четвертый пал от руки фашистских извергов... Сегодня Белоруссия — страна большой химии, могучих БелАЗов, первоклассной электроники...

«Огонек» провел свою первую встречу с читателями славной гвардейской мотострелковой Рогачевской, трижды орденоносной дивизии, пронесшей свои боевые знамена от Сталинграда до Берлина. На читательской конференции выступили старший сержант Г. Макогонов, библиотечные работники А. Андреева, Н. Подлужняк и другие. Они отметили, что журнал «Огонек» воспитывает в советском человеке патриотизм, любовь к Родине...

— Читая много лет журнал, мы словно слышим биение пульса времени, мы как будто ощущаем дыхание великой нашей страны, узнаем из информации, очерков и фотоиллюстраций о героических буднях строителей социализма,— сказал в своем выступлении офицер Н. Алексеев.

— «Огонек» хорошо сочетает зрелость с молодостью,— отметил гвардии лейтенант М. Малиновский,— мы читаем на его страницах произведения известных советских и зарубежных писателей и поэтов — Юрия Бондарева, Александра Чаковского, Юрия Нагибина, Евгения Евтушенко, Джеймса Олдриджа. Мы благодарны редакции, что она опубликовала замечательную поэму украинского поэта Миколы Нагнибеды «Хатынь».

— Большую роль в эстетическом воспитании нашего читателя,— сказала библиотекарь В. Сорокина,— играют публикуемые в «Огоньке» цветные художественные вкладки и статьи к ним. Мы ближе узнали творчество и жизнь замечательных художников, наших советских и мастеров мировой и русской классики — Леонардо да Винчи, Гойи, Репина, Дейнеки и многих, многих других.

Выступавшие высказали пожелание, чтобы журнал расширил свои публикации о жизни советской молодежи, о славных страницах истории нашей героической Советской Армии.

Минск. Новый огромный город строгих проспектов и светлых площадей. Он воистину восстал из руин и пепла, и сегодня это одна из красивейших столиц наших республик.

Вторая читательская конференция состоялась в помещении Дворца культуры Минского камвольного комбината. Это замечательный дворец с огромным зрительным залом, с многочисленными, хорошо оборудованными помещениями для художественной самодеятельности.

Инженер-экономист комбината Н. Сапогова отметила интересные публикации из жизни стран социалистического лагеря в номерах, посвященных Чехословакии и Венгрии, а также увлекательные очерки и яркие иллюстрации в материалах о странах Латинской Америки и Арабской Республике Египет.

— Нам очень помогает,— сказала библиотекарь Дворца культуры В. Ашейчик,— постоянная огромная работа журнала в деле воспитания духа патриотизма, гордости за нашу великую культуру и постоянные публикации о знаменитых наших деятелях литературы, культуры, науки и искусства: Маяковском, Есенине и Блоке, Сурикове и Брюллове, Мусоргском и Шаляпине, Курчатове и Туполеве.

На конференции выступили также токарь Г. Богданов, редактор многотиражной газеты Н. Никитко, заведующий методическим кабинетом И. Галин. Они пожелали, чтобы «Огонек» публиковал больше интересных материалов о молодежи, о героях труда наших пятилеток. Они дали наказ огоньковцам делать журнал более многогранным, привлекать молодых авторов, давать яркие и острые информации.

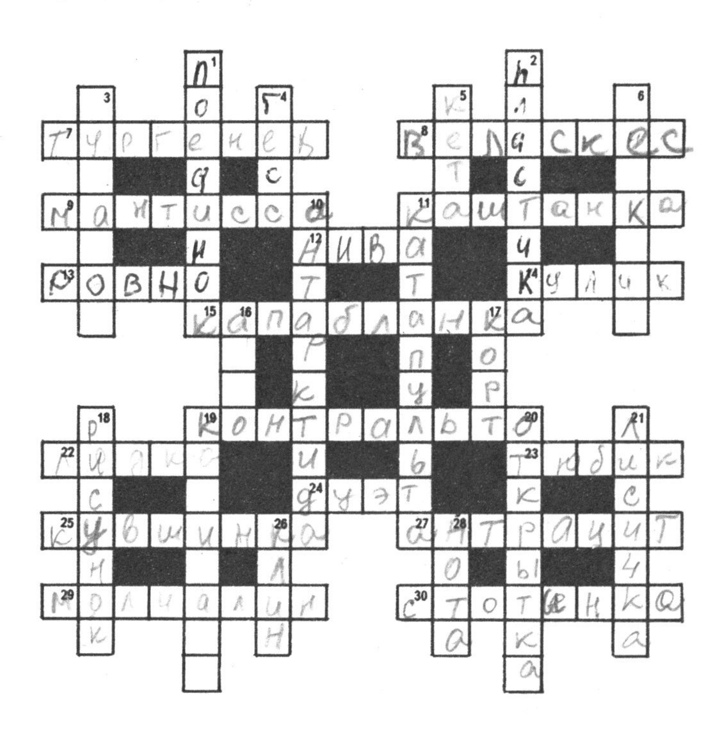
На читательских конференциях выступали главный редактор «Огонька» А. Софронов, заместитель главного редактора Д. Большов, главный художник И. Долгополов, редактор отдела фотоиллюстраций Д. Бальтерманц, заведующий военно-патриотическим отделом, Герой Советского Союза В. Павлов и собственный корреспондент по Белорусской ССР А. Щербаков.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Русский писатель. 8. Испанский живописец XVII века. 9. Дробная часть десятичного логарифма. 11. Рассказ А. П. Чехова. 12. Засеянное поле, пашня. 13. Областной центр на Украине. 14. Лесная птица. 15. Экс-чемпион мира по шахматам. 19. Женский голос. 22. Шлюпка с низким бортом. 23. Упаковка для пасты и клея. 24. Ансамбль из двух исполнителей. 25. Водяная лилия. 27. Ископаемый уголь. 29. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 30. Болгарская разменная монета.

По вертикали: 1. Повесть А. И. Куприна. 2. Гармоничность движений. 3. Русский композитор, автор романса «Тройка». 4. Немецкий оптик-механик. 5. Промысловая рыба. 6. Поэма М. Ю. Лермонтова. 10. Материк. 11. Устройство для автоматического выбрасывания летчика. 16. Река в Италии. 17. Площадка для игры в теннис. 18. Основной вид графики. 19. Индийский поэт и драматург IV—V веков. 20. Почтовое отправление. 21. Гриб. 26. Город в Московской области. 28. Музыкальный знак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 5. «Барсуки». 6. Вельбот. 8. Регби. 9. Петит. 11. Цесарка. 13. Атабаска. 15. Солонгой. 17. Брест. 19. Элеватор. 20. Черномор. 22. Конда. 24. Тримитас. 26. Парусина. 27. Пунктир. 28. Хорда. 29. Инжир. 30. Линотип. 31. Дивизия.

По вертикали: 1. Ступица. 2. Волопас. 3. Такелаж. 4. Полигон. 7. Крашенинников. 10. Багульник. 12. «Огородник». 14. Картина. 16. Острава. 17. «Бирюк». 18. Точка. 21. Чигорин. 23. Рубидий. 25. «Спартак». 26. Пришвин.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 12/III-73 г. А 00044. Подп. к печ. 27/III-73 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 707. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 332.

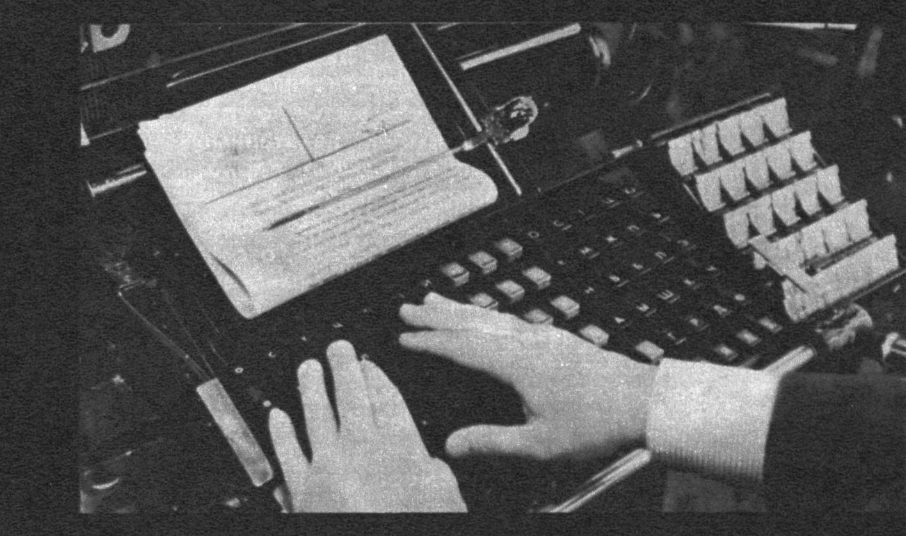
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

ПЕЧАТАЕТСЯ

Гравер Н. Жаринов, мастер П. Фаткин и ретушер В. Большаков.

ОГОНЁК

Набирается «Огонек» № 14, тот самый, который вы сейчас читаете.

Работники производственного отдела Ю. Борисов, В. Черкасов, Л. Гришечкина и мастер фотоотделения М. Глядешин принимают оригиналы цветной вкладки.

Вот уже полвека идет этот непрерывный производственный процесс. Даже чуть-чуть дольше — ведь первому номеру «Огонька», появившемуся на свет 1 апреля 1923 года, предшествовала определенная подготовка — и творческая и техническая.

Редакция и типография... Два коллектива, работающие бок о бок. Это словно конструкторское бюро и завод-исполнитель, связанные взаимной ответственностью за своевременность выхода очередного номера. И как бы ни был широк творческий простор в работе над материалами у редакции, он подчинен строгому производственному графику типографии — в ее распоряжении считанные дни, за которые нужно «материализовать» рассказы и репортажи, статьи и стихи, фотографии и рисунки, соединить их в стройное, гармоничное целое.

А практически весь этот процесс выглядит весьма буднично. В типографию поступили материалы и разошлись по разным цехам. В одном набирают тексты, в другом переводят на печатные формы фотографии и репродукции картин, в третьем монтируют готовые полосы... Но это только схема. Практически подготовка номера здесь складывается из десятков процессов — в выпуске «Огонька» участвует минимум пятьсот работников типографии. Но вот уже готовы печатные формы, проверены, опробованы, заряжены в машины, установлены рулоны бумаги, и весь сложнейший конвейер приходит в движение. Движение столь стремительное, что на глаз и не определишь, что же именно изображено на бешено мчащейся бумажной ленте.

Лента эта бесконечна — рулоны меняются на ходу, концы их склеиваются автоматически. Краска подается по трубам прямо на машины. Отпечатанные и сложенные в определенном порядке листы поступают в брошюровочный цех, и там другие машины комплектуют, сшивают их, обрезают, отсчитывают в пачки... И вот уже упакованные журналы летят по спиральному спуску в автофургоны, диспетчер по радио называет каждому водителю вокзал или аэропорт, куда он должен доставить свой груз, который, прибыв на место назначения, снова раздробится на отдельные номера и попадет к читателю.

Когда-то «Огонек» начинал с пятидесяти тысяч, сегодня его тираж — два миллиона сто тысяч экземпляров. На тираж одного только номера журнала расходуется четыреста семнадцать тонн бумаги, пять с половиной тонн краски и столько же растворителя. Чтобы «переработать» такое количество материалов, нужны большие скорости, и для этого были созданы специально для «Огонька» совершенно новые печатные агрегаты. Достаточно сказать, что только одна машина «выстреливает» за час тринадцатикилометровую ленту бумаги.

И так неделя за неделей, год за годом — полвека...

▲ Один из старейших травильщиков А. Макеев.

Монтаж журнальных полос.

Идет тираж...

ОГОНЁК
ВСЕ НА ВЫБОРЫ!
ОГОНЁК
ОГОНЁК
ОГОНЁК
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СССР — ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ РАБОЧЕГО КЛАССА, ВСЕГО НАРОДА.
ОГОНЁК
ОГОНЁК
ОГОНЁК
С Новым годом!
ОГОНЁК
ОГОНЁК
ОГОНЁК
50 ЛЕТ ПЛАНА ГОЭЛРО
ОГОНЁК
В. И. ЛЕНИН: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».
1799—1969
ОГОНЁК
ОГОНЁК
ОГОНЁК
ОГОНЁК
ОГОНЁК
Цена номера 30 коп.
Индекс 70663
ОГОНЁК
ОГОНЁК
ОГОНЁК
ОГОНЁК